

INSPIRIA

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН
ЛЕД
И
ПЛАМЯ

INSPIRIA

Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден

Франсуаза Бурден

Лед и пламя

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Бурден Ф.

Лед и пламя / Ф. Бурден — «Эксмо», 2013 — (Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден)

ISBN 978-5-04-174043-6

Скотт, наследник богатого семейства, после долгого отсутствия возвращается домой, в старинный особняк в самом сердце Шотландии. Его ждут неожиданные новости — его отец вновь женился. Вместе с его новой супругой, француженкой Амели, в доме появляются новые родственники. А значит — и новые проблемы. Новоиспеченные родственники вступают в противостояние за влияние, наследство и, главное, возможность распоряжаться на семейной винокурне. Когда ставки велики, ситуацию может спасти выгодный союз. Или искренняя любовь. Но иногда мы влюбляемся не в тех. И тогда все становится лишь сложнее. «Семейная сага на фоне великолепных пейзажей. Ангус женится на француженке гораздо моложе него, матери четырех детей. Она намерена обеспечить своим детям сытое будущее, в этом расчет. Увы, эти дети не заслужили богатство. Исключение — дочь Кейт, которую не ценит собственная семья... Красивая, прекрасно написанная история». — Amazon Review «Франсуаза Бурден завораживает своим писательским талантом». — L'Obs Франсуаза Бурден — одна из ведущих авторов европейского «эмоционального романа». Во Франции ее книги разошлись общим тиражом более 8 млн экземпляров. «Le Figaro» охарактеризовала Франсуазу Бурден как одного из шести популярнейших авторов страны. В мире романы Франсуазы представлены на 15 иностранных языках.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-174043-6

© Бурден Ф., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	7
2	22
3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Франсуаза Бурден

Лед и пламя

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Жану Аркашу¹, с которым я разделяю любовь к семейным ценностям, наш уголок Нормандии, наше прекрасное «любовное приключение» и, главное, крепкую дружбу.

¹ Жан Аркаш (1953 г.) – руководитель французской издательской ассоциации Place des éditeurs; входит в число двухсот крупнейших французских издателей.

1

Кейт полюбила его с первого взгляда. Скотт показался девочке самым очаровательным из молодых людей, которых ей доводилось до сих пор встречать. Настолько он не был похож на ее братьев с их резкими, грубыми подростковыми играми и неприятным мальчишеским языком, с чем ей каждый день приходилось иметь дело. Совершенно покоренная, она протянула Скотту детскую ладошку, уже предчувствуя, что он на всю жизнь останется ее единственным другом.

В тринадцать лет Кейт познала горе расставания с отцом и потеряла, как ей казалось, все жизненные ориентиры, когда приехала с матерью в имение Джиллеспи, где у нее было единственное желание – плакать, плакать без конца, что она и делала все последние месяцы. Отчим Ангус сразу же испугал ее своим пронзительным, недоверчивым взглядом, вместо того чтобы сказать ей хотя бы «Добро пожаловать!». Само же поместье и огромный особняк викторианской эпохи произвели на нее столь гнетущее впечатление, что она не представляла, как сможет провести в таком доме хотя бы одну ночь. Даже пейзаж, воистину грандиозный, внушал ей отвращение. Но мать и не думала о том, чтобы как-то поддержать, успокоить и придать ей уверенности: она отнесла ее плач к детским глупым слезам маленькой капризной девочки и не переставала нахваливать бесчисленные преимущества будущей новой жизни.

И на самом деле их жизнь полностью изменилась. Повторный брак матери с Ангусом Джиллеспи перевернул с ног на голову прежнее существование, и радоваться тут было особенно нечему. Кейт и ее братьям пришлось расстаться со своими школами, а значит, и с друзьями, прежними привычками и занятиями, не говоря уже о парижской квартире. Огромный контейнер, отправленный в Шотландию, вместил большую часть одежды, но сколько же всего пришлось оставить: книги, игрушки, настольные игры, как оказалось, занимавшие слишком много места. Глядя в иллюминаторы самолета, уносившего их в Глазго, они со щемящим сердцем смотрели, как постепенно исчезала внизу земля родной Франции.

В Джиллеспи их ожидали только морская пена безбрежного океана, лежавшая на холмах пелена тумана да пасущиеся вдалеке отары овец. Почему мать решила похоронить себя в этих диких местах, а вместе с собой и их тоже? Любовь матери к Ангусу в глазах Кейт была невыносимой: это был высокий, массивный мужчина с суровым, будто высеченным из камня лицом. Даже смягченные облаком рыжих волос с проблесками серебряных прядей, черты лица казались грубо вытесанными долотом; зато взгляд светлых, словно вылинявших глаз был настолько пристален, что, казалось, пронзал душу насквозь. Кейт, согласно традиции, пришлось называть его «отец», что поначалу внушило ей ужас, но она покорилась, воображая, что ведь теперь и Скотта она может считать братом.

Джиллеспи представляло собой обширное угодье с раскинувшимися, насколько хватало глаз, пастбищами, необозримыми ячменными полями, урожай с которых поступал на два винокурных завода, где производился виски – главное богатство семьи уже в течение многих поколений. И девочке долгие годы предстояло слышать бесконечные разговоры о солоде, дроблении, браге и дистилляции. Во время семейных трапез подобные разговоры за столом обычно заводил Ангус, бомбардируя Скотта самыми заковыристыми вопросами. Он редко старался что-то подсказать или помочь с ответом Скотту, хотя его иногда так и подмывало, особенно во время игры в гольф или на охоте, – тот до всего должен был додумываться сам.

С тех самых пор, как их дальний предок приобрел титул барона, купив земли, согласно шотландскому обычаю, поместье Джиллеспи процветало, и Ангус очень рассчитывал на Скотта в том, что именно на его плечи должно было лечь увековечивание славной родословной. Поэтому, разочарованный и обеспокоенный тем, что у него лишь единственный наследник, он воспитывал мальчика в большой строгости. Первая его супруга, Мэри, долго не могла забеременеть, прежде чем на свет явился долгожданный мальчик. Но роды, которые принимали,

разумеется, не в больнице, а в самом поместье, оставили у женщины такое кошмарное впечатление, что, сколько бы ни упрашивал муж, на вторичный подвиг она ни за что не желала соглашаться. Хуже того, она не проявляла к новорожденному подобающей материнской любви, словно затаив на Скотта обиду за то, что он принес ей столько мук, появившись на свет. С тех пор она делала все возможное, чтобы как можно дальше бежать от Ангуса, да и от дома тоже, проявив невиданную доселе любовь к разведению овец. И преуспела в этом. Мэри до того увеличила поголовье скота, что Ангус даже купил ей небольшую прядильную фабрику, которая производила изделия из шерсти, полученной от овец их стада. Мэри сама занималась составлением эскизов, рисовала узоры кардиганов, шарфов и шапочек, что ей очень нравилось. Уезжая из дома на фабрику ранним утром, она возвращалась домой лишь ближе к ночи. Но однажды вечером не вернулась вовсе. Машина упала в овраг, и ее искореженный остов обнаружили лишь спустя несколько дней. По свидетельству медиков, смерть оказалась мгновенной, ибо женщина была задушена раздавленными металлическими креплениями пояса безопасности.

Потрясение оказалось для Ангуса очень тяжелым. К счастью, в этом горе большую поддержку ему оказала его сестра Мойра, которая и взяла на себя все обязанности по содержанию дома, чем она занималась еще до брака Ангуса и к чему вернулась с большой радостью. В течение какого-то времени их маленькое семейство вроде бы снова обрело более-менее нормальное существование. Пока Скотт был еще ребенком, а он был очень привязан к тете Мойре, Ангус мог этим пользоваться, чтобы вернуться к привычным делам. Винокурни приносили неплохой доход, а в память о Мэри он оставил нетронутой и прядильную фабрику. Затем он решил немного расширить семейное хозяйство и приютил у себя одного из своих малоимущих кузенов – Дэвида, которого сделал управляющим, после чего стал потихоньку задумываться о втором браке. Но женщинам он доверял мало, и ни одна из предполагаемых невест не казалась ему подходящей на роль матери семейства. Единственная, в ком он мог увидеть достойную супругу, должна была непременно оказаться горожанкой, которую притом не смутил бы переезд в Джиллеспии.

Между тем Скотт подрастал. Слишком нежное воспитание тетушки Мойры привело к тому, что он становился упрямым, строптивым и чересчур избалованным ребенком, так что в конце концов Ангус решил отправить его в пансион. Выбрал он, разумеется, высококлассное заведение, известное как строгостью дисциплины, так и хорошими результатами учебы своих питомцев. Скотт приобрел там блестящее образование, ум его получил должное развитие во многих научных дисциплинах, и, кроме того, пансион сделал его прекрасным спортсменом. Юноша отлично играл в регби, занимался верховой ездой, боксом, фехтованием и скалолазанием. Каждый раз, когда сын приезжал домой на каникулы, Ангус приобщал его к традициям семейных занятий, таким как стрижка овец или уборка ячменя. Об «интернатских» годах, проведенных в пансионе, которые иному показались бы слишком суровыми, у Скотта остались самые приятные воспоминания; юноша оставил в стороне все дурное, с чем там столкнулся, и, главное, сохранил прочную дружбу со многими из товарищей.

После окончания курса он получил право на годичный отпуск. Ангус решил предложить ему поездку на несколько месяцев в Европу, но не просто так, а с особой миссией – ознакомиться с методами работы в крупных сельскохозяйственных поместьях за пределами Великобритании. Этот глоток свободы был очень полезен молодому человеку, который только теперь наконец-то почувствовал себя истинным шотландцем, и тем не менее в Джиллеспии вернулся с удовольствием, зная, что отец ждет его, чтобы передать ему бразды правления поместьем.

Стремясь как можно лучше проявить себя и приобретенные им знания, Скотт меньше всего ожидал, что ему придется встретиться лицом к лицу с мачехой. Ибо Ангус считал за лучшее не сообщать ему до поры до времени о вторичной женитьбе. По его мнению, эта тема была слишком серьезной и личной, чтобы обсуждать ее по телефону. Он с неслышанным цинизмом

заявил сыну, что приберегал этот «чудесный сюрприз» до его возвращения. Поставленный перед свершившимся фактом, Скотт почувствовал себя так, словно его окатили ледяной водой. Мачеху его звали Амели, она была француженкой, разведенкой, да к тому же обремененной четырьмя взрослыми детьми.

Трое из них – мальчики Джон, Джордж и Филип – были уже подростками, а единственная девочка тринадцати лет казалась совсем ребенком. Только она и вызвала в глазах Скотта симпатию, потому что он угадал ее полную растерянность, почти отчаяние. Зато мальчишки, которые и провели-то в доме всего несколько недель, уже неплохо устроились и вели себя так, словно это была давно завоеванная ими территория. Совершенно очевидно, что воспитание их оставляло желать лучшего, однако Ангус будто не замечал этого и ни во что не вмешивался. Он был настолько счастлив вновь обзавестись супругой, что ее «хвост» нисколько его не интересовал. Эта ребятня от другого мужчины, да еще и англичанина, заслуживала лишь относительной доброжелательности, да и то из чистого уважения к Амели, но уж никак не из желания заниматься наставлением их на путь истинный.

Мойра же, казалось, была обуреваема двумя крайне противоречивыми чувствами: с одной стороны, она радовалась, что брат нашел-таки себе жену, однако с другой – не испытывала ничего, кроме неприязни, к этой незнакомой женщине, явившейся сюда со своим стадом. Она и не стала ничего скрывать, заявив Скотту, как только тот вернулся, что малышка Кейт была *обворожительной*, а вот три ее брата – *отвратительными*. В комнатах, отведенных последним, всегда стоял шум и гам, слышались звуки драки или грохот какой-то невразумительной музыки. Кейт, напротив, производила так мало шума, что ее перемещение по коридорам вообще было незаметным; нередко девочку можно было видеть застывшей в одной позе возле окна, и она казалась целиком погруженной в созерцание парка.

По правде говоря, слово «парк» применительно к окружавшему особняк саду было, пожалуй, слишком напыщенным. Ангус не питал пристрастия к красотам, находившимся рядом, и он не обращал внимания даже на цветы, которые время от времени срывала там Мойра. Его неукоснительным требованием было лишь то, чтобы газоны всегда были аккуратно подстрижены, с чем его двоюродный брат Дэвид худо-бедно справлялся при помощи шумной электрокосилки. Но, поскольку сухие ветки с больших деревьев никогда вовремя не обрезались, при каждом более-менее сильном порыве ветра они рушились вниз со страшным треском, загромождая аллеи. И тем не менее благодаря двум каменным фонтанам и нескольким кованым скамейкам это место таило в себе некое романтическое очарование, неизменно приковывавшее взгляды Кейт. Там она обнаружила немало потаенных местечек, где при желании можно было укрыться от тирании братьев и безразличия матери. Большую часть своего первого лета в Джиллеспии девочка провела именно там, заранее пугаясь начала учебного года, которое вновь должно было бросить ее в неведомое. Втайне она писала письма отцу, хотя и не могла их переслать, поскольку не знала адреса. После развода он не давал о себе знать, а спросить у матери, как он поживает, она не решалась. Разумеется, даже это отсутствие новостей все-таки было лучше тех невообразимых ссор, предшествовавших разводу, но сердечко Кейт каждый раз больно сжималось, когда она думала об отце. Увидится ли она еще с ним? Не забудет ли он своих сыновей и особенно ее, которую часто называл «мое сокровище»? Женился ли он снова, подобно матери? Она ничего не знала и очень страдала, но открыться ей было некому. Сидя в тени деревьев или на бортике одного из фонтанов с открытой книгой на коленях, она продолжала писать бессмысленные горькие послания, в которых хотя бы изливала свое отчаяние.

Но в один из серых и холодных дней, предвещавших приход ранней осени, Скотт застал ее врасплох. На плечи юноши был наброшен свитер, в руках он держал топор, с волос по лбу стекали бисеринки пота.

– Читаешь что-нибудь интересное? – спросил он, возникнув перед ней, как привидение.

Она почувствовала, что у нее внутри все тает от благодарности к мальчику, поскольку он остановился специально ради нее, обратился к ней и улыбнулся.

– «Отверженные», французский роман.

– О! Виктор Гюго. Я вижу, ты любишь серьезные книги.

– Пока я не знаю, что буду проходить в школе по программе, потому и не понимаю, что стоит читать. Но как только начнутся занятия, похоже, мне придется больше уделять внимания английским или... шотландским авторам.

– В любом случае ты со всем отлично справишься.

– Мой отец – англичанин, – напомнила она.

Сказав это, она покраснела. Имела ли она право говорить с ним об отце? Девочка поспешила сменить тему и поинтересовалась, знает ли Скотт, в какую школу она пойдет?

– Нет, это же девичья школа.

– Ах, как хорошо! Мне так будет гораздо спокойнее. Мальчишки иногда бывают до того... невыносимы.

Она снова испугалась, что проявила неучтивость.

– Я имела в виду братьев, – уточнила она, сделав многозначительную гримасу. – Вы наверняка уже это заметили.

Она увидела, как по лицу юноши пробежала тень, но он ответил ей спокойно, размеренным тоном:

– Меня слишком долго не было дома, чтобы я мог составить себе какое-нибудь мнение о них.

– В их возрасте вы были таким же буйным?

– Да, – признался он. – Очень! Но, правда, у меня не было сестры.

– Ну так вот, теперь есть я, – произнесла она, придя в ужас от того, что сказала.

Он бросил на нее странный взгляд, кивнул и снова взял топор, который недавно положил у ее ног. Расстроенная тем, что он уже уходит, Кейт тоже встала, чтобы пойти вместе с ним.

– Вы срубали деревья? – спросила она.

– Да нет, дров нарубил для топки. Эти камины просто ненасытны, сколько они их жрут! А скоро придут настоящие холода. Шотландский климат наверняка тебе покажется куда менее мягким, чем парижский.

Скотт старался не показывать виду, что ему было бы приятно избавиться от нее поскорее, пока девочка продолжала идти рядом.

– Вы что, бывали когда-нибудь в Париже?

– Нет. В этом году я провел несколько недель во Франции, но в Париже был только проездом.

– О, вам бы там понравилось! Это фантастический город, там столько людей, столько всего, чем можно заняться или что посмотреть! Как же я любила мою школу возле Люксембургского сада, куда мы бегали с подружками на переменах. Там столько прекрасных клумб, скульптур, огромный водоем и...

Несмотря на все усилия сдержаться, ее внезапно охватила икота, после чего она разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Кейт, что случилось?

Она почувствовала, что он ласково, совсем слегка взъерошил ей волосы.

– Не плачь, – проговорил он. – Я понимаю.

Вопреки ее мнению, вести со Скоттом светские разговоры оказалось выше ее сил, а воспоминание о Париже погрузило в невыразимую печаль. Что она делала в этой незнакомой стране среди чужих ей людей? Она привыкла скрывать слезы, потому что мальчишки смеялись над ней, а мать читала нотации, но Скотт вел себя естественно – не иронизировал и не чувствовал себя неловко.

- Простите, простите, – повторила она, вытираясь рукавом. – Я чувствую себя такой...
- ...потерянной? Это нормально – здесь ты не у себя.
- Мама говорит, что теперь это и наш дом тоже.
- Конечно, – сказал он с долей сомнения.

Почувствовав его нерешительность, она поняла, что только что совершила очередную глупость. Она не могла справиться с ситуацией, но догадывалась, что Скотт, несомненно, всех их ненавидел: ее, братьев, да и мать тоже. Интересно, что испытал он, увидев перед собой всю эту ораву незнакомцев, поселившихся в его доме? Проклятый трус Ангус приберег для него «сюрприз», который мог попросту вызвать у него шок! А что, если он решит уйти отсюда? В конце концов, он уже был почти взрослым человеком и мог сделать, что его душе угодно, в том числе и бросить все к черту.

- Вряд ли вы пришли в восторг от нашего приезда, – печально произнесла она.

Услышав его смех, Кейт подняла голову и посмотрела на него. Скотт отнюдь не показался ей враждебным, а просто очень развеселившимся.

- Ну и смешная же ты девчонка, Кейт! Мои чувства в данном случае не имеют никакого значения.

Не успели они достичь центральной аллеи, как перед ними вырос величественный особняк. Девочка вздрогнула и замедлила шаг.

- Ну и костерчик я сейчас разожгу! Если продолжишь читать в гостиной, тебе станет жарко.

Он положил руку ей на плечо, ободряя ее и как бы подталкивая к особняку.

- Все будет хорошо, – добавил он совсем тихо.

Кейт впервые почувствовала себя увереннее и спокойнее. Она отчаянно нуждалась и в том, и в другом, боясь в это поверить, но рядом со Скоттом она сразу ощутила себя не такой одинокой. Девочка подняла глаза, обратив их на высокий белый фасад здания и пытаясь разглядеть окно своей комнаты, но так и не смогла угадать, постоянно сбиваясь со счета. Когда же она обернулась, Скотт был уже далеко, идя в другом направлении и небрежно покачивая рукоятку топора, который по-прежнему держал в руке.

* * *

Как только дочь подняла голову, отыскивая свое окошко, Амели поспешно отошла в сторону. Машинально взглянув в окно и будучи убежденной, что парк совершенно пуст в такое время, она с раздражением увидела, что ее дочь Кейт находилась в компании Скотта. У нее не вызвала никакого сомнения враждебность юноши к их семейству. Что в таком случае он мог рассказывать девочке-подростку? Или она заблудилась в крохотной рощице, затаившейся среди лужаек? Ведь девчонка все время проводила на улице, с книгой под мышкой, с этим скорбным лицом и вечно набрякшими от слез глазами. Бог ты мой! И как она не понимала, насколько им всем повезло? Да могла ли она мечтать о жизни в таком прекрасном особняке, в двух шагах от морского берега, окруженная роскошью и записанная в элитную частную школу? Да если бы она, Амели, не встретила Ангуса, если бы не подтолкнула его к поспешному браку, что было бы со всеми ними, с Кейт и ее братьями? Союз этот не просто устраивал обе стороны, он был для них настоящим спасением. Да Амели и не пришлось совершать никакого насилия над собой, поскольку Ангус ей нравился. Нет, нельзя было сказать, что она была в него влюблена, но разве не миновало для таких, как она, время романтических бредней? До чего они дошли с подобным браком с Майклом? У них была свадьба, о которой только можно было мечтать, с «венцом непорочности» на голове, а уж сколько было произнесено слов с клятвами в вечной любви! Этот «прекрасный англичанин», как она его называла, пока ее сердце еще билось от волнения при виде его, – что он сделал? Наградил кучей детей до того, как она

перестала его волновать, а потом бросил и отпустил на все четыре стороны! В течение первых лет замужества она подарила ему одного за другим троих сыновей, и ей бы уже хотелось остановиться, чтобы окончательно не превратиться в наседку, но, увы, Майкл непременно хотел дочку, которая, впрочем, не заставила себя долго ждать. И какое-то время все шло прекрасно, у них вроде бы была настоящая семья, поселились они в хорошей квартире, которую им выделила компания Майкла, да еще не где-нибудь, а посреди квартала Сен-Жермен-де-Пре! Днем Амели занималась детьми, но почти каждый вечер они отправлялись куда-нибудь с Майклом. Поначалу она знакомила его со столицей, гордясь своим статусом парижанки, но очень скоро Майкл сам стал ей показывать модные местечки. Он очень любил шумные вечеринки, праздничные застолья с друзьями, но ведь не он же вставал по ночам давать детям пустышки или бутылочки с едой! И только одни разговоры о том, как он обожает своих детей, – заниматься он ими никогда не занимался. Годы шли, а она так ничего и не замечала. Ни ставшего привычным и не дающего уже никакой радости быта, ни слишком уж хороших сотрудниц Майкла. Он все чаще отлучался из дома, ссылаясь на бесконечные конгрессы, собрания и симпозиумы. И она, идиотка, принимала все за чистую монету с наивностью поглощенной делами домохозяйки. . . Он и выходные-то почти не проводил с семьей, а когда такое случалось, то его безумно раздражало все, что в ней происходило: сплошной шум и гам, никакого покоя. А что могла поделаться Амели с тремя буйными подростками? Да, она с ними не справлялась, ведь помощи со стороны их отца она никогда не видела. Квартира их превращалась в сплошное поле битвы, куда уж тут было Амели думать о внешности? И однажды в ванной комнате она нашла записку от Майкла, который оказался слишком трусливым, чтобы объясниться лицом к лицу: он писал в ней жене, что «кое-кого встретил».

После нескольких семейных сцен, достойных эпоса Гомера, под гром барабанного боя произошел развод. Найдя самого крутого и хорошо оплачиваемого адвоката, Майкл добился того, что по суду должен был выплачивать им лишь смехотворное денежное пособие. Но самым возмутительным было то, что он с видом триумфатора заявил, что компания, выделившая им в свое время квартиру, предоставила в ее распоряжение аж целых полгода, чтобы она подыскала себе за это время другое жилье. Эта подачка тоже якобы вошла в «компенсационное пособие» и была великой милостью! Не сдержав слез, Амели вымолила еще несколько дополнительных месяцев этого срока, чтобы дети смогли доучиться в своих школах, пока она будет срочно утрясать дела с переездом. Что же ей оставалось делать? Идти работать? Но ведь на обучение потребовалась бы уйма времени, и устроиться она смогла бы лишь на самую мизерную зарплату. И тогда она решила сделать ставку на самое себя. Она вновь стала за собой ухаживать и, бросая детей одних по вечерам, откровенно начала искать нового мужа. Ей ведь не было еще и сорока лет, да и внешне она оставалась привлекательной. И вот благодаря невероятной удаче ей удалось познакомиться с Ангусом. В Париже он оказался проездом, так что времени у нее было мало. И пока он с упоением рассказывал ей о Джиллесли, своих винокурнях и прядильной фабрике, она открывала для себя все больше и больше достоинств в совместной жизни с этим человеком. Шотландия? Ее это совершенно не пугало. Пусть хоть у черта на рогах, пусть в Шотландии, но где бы оно ни находилось, это прекрасное поместье, фото которого он ей охотно продемонстрировал, она согласится там жить с превеликим удовольствием, но лишь в роли законной супруги, госпожи Джиллесли. Ангус что-то там вскользь упоминал о Скотте, своем единственном двадцатидвухлетнем сыне, но она его не слушала: все ее мысли были заняты лишь тем, как бы его скорее подчинить себе, воспользовавшись своим арсеналом роковой женщины. Прекрасно отдавая себе отчет, что ее приданое новобрачной сильно обременено четырьмя детьми, она продемонстрировала ему всю мыслимую и немыслимую чувственность, на которую только была способна, да так, что Ангус побывал на седьмом небе от счастья.

Вспоминая эти подробности оболыщения, Амели улыбнулась. Теперь-то муженек полностью был у нее в руках, вернее, на самом коротком из поводков. Но и Ангус, как говорится, за ценой не постоит: несмотря на свои шестьдесят, он, пылкий, как юноша, исполнял неукоснительно каждой ночью свой мужской долг. Притом он обладал своеобразным грубоватым шармом в противовес изнеженному, расслабленному Майклу, и Амели как раз это и нравилось, ибо она не хотела вспоминать ничего о первом супруге. Страница была перевернута, хотя, пожалуй, чересчур быстро, и, следовательно, немудрено, что детям не так-то легко было привыкнуть к отчиму. Но рано или поздно они, конечно, привыкнут и к нему, и к великолепному поместью, которое станет их новым родовым гнездом. Сознательно решив слегка ослабить поводки на шеях детей, она надеялась, что деревенские забавы, а заодно и обязанности их слегка успокоят. К тому же неужели Ангус не поможет завершить учебу ее мальчишкам? Если он хоть немного привяжется к ее детям, а особенно к Кейт, то будущее всех четверых будет обеспечено. Пока Ангус считал своим сыном только Скотта, но, возможно, позже он приобщит и пасынков к делам поместья, а потом и к наследству... Как истинный шотландец, он потребовал, чтобы был заключен брачный контракт, который, подобно всем контрактам, легко можно было изменить. Амели не только знала, чего она хотела, но также и понимала, как этого достичь.

Она снова приблизилась к окну. Теперь парк был абсолютно пустынным. Скотт и Кейт исчезли. Этим двоим нечего было делать вместе. Явная антипатия, которую проявлял по отношению к ней Скотт, нисколько Амели не смущала. Напротив, она была ей даже на руку. И она очень на это рассчитывала, чтобы пожаловаться Ангусу, что, дескать, его сын ее не признает, так же как и его сестра, тем более что, можно сказать, так оно и было на самом деле. Ибо Мойра встретила ее со сдержанностью, которая граничила с откровенной холодностью. Но, однако, отныне весь этот маленький мирок, хочешь не хочешь, будет вынужден признать в ней законную хозяйку поместья.

Повернувшись спиной к окну, Амели оглядела комнату: стены, обшитые темным деревом, расписанный фресками потолок с арабскими мотивами, тяжелые пыльные шторы. Нет, ее комната должна выглядеть по-иному, несомненно, и, главное, ее стоит непременно осветить тем, что принято называть «изящным французским вкусом». Ангусу обязательно должно понравиться. Амели начнет с нее, с этой комнаты, а уж затем возьмется за остальную часть поместья, придав ему свое видение удобного и комфортного жилья. Мальчишек поселили там же, на том же этаже, только в западном крыле, и пока они были в восторге от своей относительной свободы. Их не интересовали ни мебель, ни цвет стен, они с ликованием продолжали сеять хаос, фоном к которому служила их безобразная музыка. Кейт, напротив, смущали огромные размеры ее спальни, обтянутой серым, местами пожелтевшим от времени бархатом. Даже у Ангуса появилась на лице гримаса, когда он открыл туда дверь. А Мойра, тоже не пришедшая в восторг от комнаты, объяснила, что так малышка будет хотя бы немного ближе к матери. В особняке, имевшем множество комнат, повсюду были коридоры и коридорчики, замысловатые переходы, лесенки, тупички, так что разобраться во всем этом лабиринте новеньким сначала было нелегко. Но на следующий же день после приезда Амели, несколько раз обойдя особняк, решила, что обязательно составит себе четкое представление о том, кто и где здесь живет. Мойра, кузен Дэвид и Скотт обитали на третьем этаже, а это означало, что Ангус много лет провел в одиночестве на втором этаже. Этот уж точно был не из пугливых!

Амели села в изножье кровати и начала размышлять. Когда ее дети привыкнут к новому жилью, действительно ли им будет здесь нравиться? Что и говорить, место само по себе было великолепным, и теперь они могли считать его своим домом. Кроме того, они привыкнут называть Ангуса отцом, а это непременно будет способствовать сближению. Она не собиралась их ни к чему принуждать, они сами должны были открыть для себя всю прелесть жизни в таком необозримо огромном поместье, где они могли носиться сколько угодно по необъятным землям, заниматься любыми видами спорта по их желанию, не имея ни малейшей нужды в деньгах.

Что касается ее самой, то она могла только радоваться своему выбору, этой неожиданно выпавшей ей удаче. Она ощущала в себе готовность всей душой полюбить Джиллеспи и целиком внедриться в его жизнь, почувствовать себя его хозяйкой. О Париже она и не думала тосковать, слишком уж мало у нее было там своего, личного, принадлежавшего только ей. В Париже у нее не было будущего: ни у нее, ни у детей. Здесь же она станет непременно возлюбленной супругой, мудрой матерью, кем-то очень важным и значительным.

* * *

Но сладким мыслям Амели не суждено было продолжиться. Прямо перед ее дверью промчались с топотом – это ее ребята затеяли очередную свару, не ограничивая себя ни в криках, ни в музыке, короче, абсолютно ни в чем.

* * *

Из курительной комнаты Ангус сделал нечто вроде своего личного места для уединения. Еще при жизни Мэри, не выносившей запаха его сигар, он приобрел привычку уходить туда и мало-помалу перенес с собой множество счетов и целые кипы бумаг, касавшихся управления поместьем. Так что со временем курительная комната стала его кабинетом, куда никто не смел зайти, не постучав.

– Заходи! – гаркнул Ангус зычным голосом античного глашатая.

Он увидел, что Скотт уже успел принять душ и переоделся. Немногим раньше он заметил его на улице с топором в руке. Выглядел Скотт уставшим, но спокойным. Их первый разговор насчет Амели был довольно резким, как он и ожидал, и теперь Ангус надеялся, что второй сложится более удачно.

– Ты что, решил вырубить все деревья? – с иронией поинтересовался Ангус.

– Нет, просто обрубил сухие сучья, которые ждали этого довольно долго.

– Вообще-то, у нас этим занимается Дэвид. Он платит поденщику, который срезает сушняк.

– Значит, он за ним не слишком-то хорошо следит.

– Ах, вот оно что...

Они обменялись улыбками, как это давно было у них заведено, но Ангус не прибавил, как обычно, что, мол, все равно кузен Дэвид отличный парень, хотя и неважный управляющий.

– Ладно, сядь, нам надо поговорить. Я знаю, что ты не очень-то доволен...

– Скажем иначе, удивлен и нахожусь в растерянности.

– А почему? Я провел довольно много лет вдовцом после смерти твоей матери, разве теперь я не имею право жениться снова? Впрочем, это моя жизнь, а не твоя, и я не должен спрашивать у тебя разрешения. Признай хотя бы, что Амели – красивая женщина.

– У каждого свой вкус. Я привык считать женщинами только особ своего поколения.

– Это что, камень в мой огород?

– Нет, я только хочу сказать, что ей на двадцать лет меньше, чем тебе.

– И что из этого?

– Ничего. Но уж как-то быстро вы все решили.

– Чтобы привезти ее сюда, нужно было сначала жениться на ней. Таково было условие Амели. Да и ее можно было понять: ведь она оставляла страну, все, ей же нужны были какие-то...

– Гарантии?

– Если хочешь. Но ведь это законно, попробуй не согласиться! Сорвать с места четверых детей, покинуть страну, оставить там всех друзей, близких, знакомых...

– А что ты знаешь о ее семье, роде занятий?

– Она не работала. Воспитывать четверых детей – это, знаешь ли, не шутка, на это уходит все свободное время. А вот насчет ее семьи я ничего не знаю.

– Иными словами, ты вообще о ней ничего не знаешь?

– Я знаю, что она мне нравится и что под закат жизни я стал счастливым и опять могу назвать себя женатым человеком. Это достаточно ясно?

Тон его обрел суровость. Ангус не желал уступать сыну ни пяди.

– Что ж, достаточно откровенно. Конечно же, мне все ясно, – сказал Скотт.

– Прекрасно, ибо больше к этому разговору я не вернусь. А ты как думал? Что шестьдесят – уже конец жизни? Что человеку больше уже ничего не нужно? Поживи с мое, и тогда, возможно, ты поймешь. Я еще полон сил и хочу воспользоваться остатком отпущенной мне жизни. Со дня смерти твоей матери, чем, ты думаешь, я занимался? Заботился о тебе, этих чертовых винокурнях, да еще, будь она неладна, прядильной фабрикой, которую захотелось Мэри, нужно было поддерживать ее на плаву. Дабы обеспечить тебе полноценную семейную жизнь, я разрывался между своей сестрой и двоюродным братом, ты полагаешь, я испытывал бездну удовольствий? Но теперь пришло и мое время немного пожить, так что ты давай бросай этот похоронный вид и постарайся подладиться к мачехе, ты меня понял?

– И не только к ней, а еще и к троим ужасным дебилам и доченьке.

Перед лицом возмутительного спокойствия Скотта Ангус собрал в кулак все свое хладнокровие.

– Кейт – милая девочка, к тому же, сам знаешь, ее не видно и не слышно. Что до мальчишек... Не хотел бы ты немного ими заняться, так сказать, взять их под свое крыло на правах старшего брата?

– Надеюсь, это шутка?

– Вовсе нет.

– Если ты ожидаешь от меня реальной помощи в делах поместья, чтобы тебя разгрузить, то знай, что это занятие на полный рабочий день.

– Разгрузить? Меня? – возмутился Ангус. – Это наши с тобой *совместные дела*, и, главное, в этом поместье – *твое* будущее. Не строй из себя пай-мальчика, который просто помогает своему отцу. Если бы мне нечего было тебе оставить, кем бы ты стал?

– Я бы освоил другое ремесло, – спокойно ответил Скотт, уставившись отцу прямо в глаза.

За четыре года до этого они уже однажды касались этой темы. Скотт высказал идею стать врачом или, что еще лучше, ветеринаром, и отец тогда смеялся до колик, прежде чем развеять в пух и прах такую возможность. Что стало бы с винокурнями, полями, прядильной фабрикой, стадами? Для единственного потомка Джиллесли другого выбора не было, кроме как заниматься всем сразу, тем, что оставят ему предки.

– Подойди к этому посерьезнее, – отрезал Ангус.

– Я вполне серьезен.

Скотт поместье любил, всегда интересовался его делами, и то, что отец нередко демонстрировал свои тиранические замашки, отнюдь его не смущало. Во время путешествия по Европе он часто думал о Джиллесли, трепеща от желания поскорее туда вернуться. Но мачеха, неожиданно свалившаяся с небес, резко изменила его взгляд на вещи.

– Вы рассчитываете с Амели иметь детей? – вдруг спросил он задумчивым тоном.

– Об этом не может быть и речи!

– Да неужели? Ей нет и сорока, и она вполне может захотеть еще детей, твоих детей, которые будут носить твое имя.

Ангус резко ударил кулаком по столу, уронив к ногам Скотта резак для бумаги.

– Боишься за наследство? – хихикнул он с презрительной яростью.

Скотт понял, что задел чувствительную струну. Отец его вовсе не был простофилей, даже наоборот, в какой-то мере он не был лишен цинизма, однако в последней фазе своей сентиментальной жизни вполне мог попасть впросак, поддаться чувству.

– Мое «наследство» это никак не может затронуть. До сих пор ты мне говорил, во всяком случае, что оно будет принадлежать мне в силу традиционных обязательств.

Наступило короткое молчание, во время которого они, набывчившись, не отрывали глаз друг от друга.

– Откуда столько враждебности? – наконец спросил Ангус. – Может, ты просто встал не с той ноги? Но уверен, со временем все между вами наладится.

Первая встреча Амели и Скотта действительно прошла не слишком хорошо. Оба мгновенно прониклись непонятной взаимной антипатией, и было заметно, что обоим неловко в присутствии друг друга. В глазах Амели Скотт представлял собой несомненное препятствие для планов, которые она строила насчет своих детей, а Скотт тоже не собирался скрывать неприязни к новой, неизвестно откуда взявшейся мачехе. Во-первых, она была на двадцать лет моложе отца, во-вторых, притащила с собой четверых отпрысков, а в-третьих, явно намеревалась вести себя в поместье как настоящая хозяйка.

– Все будет хорошо, пусть пройдет время! – стоял на своем Ангус.

Он произнес это с таким жаром, что Скотт был неприятно поражен изменением его тона. Неужели он на самом деле верил, что сляпанная таким образом «семья» сможет жить в гармонии? Неужели для того, чтобы «полюбить» друг друга, им будет достаточно совместного проживания? Но, что и говорить, Ангус, безусловно, имел право вступить во второй брак, он находился в собственном поместье и имел все основания диктовать другим свою волю.

– Мы еще поговорим об этом, – пробормотал Скотт.

Их дискуссия явно зашла в тупик, бесполезно было останавливаться на мелочах.

– Нет! – запротестовал Ангус, чья ярость словно обрела новую силу. – Для меня эта глава закрыта. Я жду от тебя как минимум вежливого обхождения с мачехой и доброжелательности по отношению к ее детям. Никакого другого поведения я не потерплю под моей крышей!

Лишний раз он напомнил сыну, что по-прежнему оставался главой клана. Клана, который давно считал слишком ничтожным по численности и который благодаря ему только что значительно увеличился. Даже если он и собирался постепенно передать все свои дела по управлению поместьем сыну, то верховную власть над кланом он пока не собирался ему отдавать.

Скотт поднялся с места, изобразив на лице подобие принужденной улыбки, и вышел, не произнеся ни слова.

* * *

Кейт слушала, как мать расписывала ей изменения, которые собиралась произвести в ее комнате.

– Этот ужасный пожелтевший бархат мы заменим на светлый чинц². Тебе нравятся цветочные узоры? Или нет, скорее это будут розовые полосы на кремовом фоне с занавесками и подушками в тон.

– Но это же все будет так дорого стоить! – воскликнула Кейт, расширив глаза от удивления.

– Таких проблем у нас больше не будет, дорогая. Кроме того, я должна подыскать тебе красивый туалетный столик с большим зеркалом. Мне кажется, я видела нечто подобное в одной из незанятых комнат, а муж мне предоставил возможность делать в твоей комнате все,

² Чинц – лошенная хлопчатобумажная ткань, поверхность которой производит впечатление натертой воском. Имеет особенное покрытие, придающее характерный блеск и противостоящее загрязнению, не пачкается и не смачивается водой.

что мне вздумается, лишь бы это было тебе по вкусу. Признайся, это очень мило с его стороны! Если ты увидишь какой-нибудь предмет мебели, который тебе понравится, ты можешь установить его здесь. Например, тебе совершенно необходим хороший письменный стол, чтобы делать домашние задания...

Она ходила взад-вперед и все говорила, говорила... Но Кейт не разделяла ее энтузиазма. Зная мать, она понимала, что та все равно украсит спальню по собственному усмотрению. Тем не менее ей и самой не хотелось бы видеть здесь этот вылинявший бархат. Неужели это правда, что они могли распоряжаться любыми вещами в особняке, которые им понравились? Кейт не была уверена, что ее «тетя», которая держала бразды правления в доме до их приезда сюда, пришла бы от этого в восторг. А Скотт, интересно, как бы он к этому отнесся?

Как только она подумала о нем, то сразу перестала слушать мать. Вот здорово, что в особняке рядом с ней будет такой приятный и милый человек. Ангус внушал девочке страх, его кузен Дэвид – тоже, Мойру она тоже слегка побаивалась, и только Скотт проявлял к ней искреннее дружелюбие.

И до чего же он привлекателен! Для девочки ее возраста он воплощал романтического героя, словно явившегося из ее любимых книг. Красивый, высокий, темноволосый, с сумрачным взглядом синих глаз, атлетического сложения, но в то же время стройный, с приятным мужским голосом и очаровательной улыбкой: не Скотт, а настоящее совершенство. Сам факт, что он считался теперь ее старшим братом, вызывал у нее восхищение.

– Ей-богу, ты опять о чем-то мечтаешь! – возмутилась Амели.

– Нет, я... думаю, что мне бы хотелось иметь еще ковер.

– Отличная мысль. Придется подыскать подходящий. Вот увидишь, как нам обоим будет здорово здесь иногда побыть вместе и повеселиться. Твоим братьям абсолютно наплевать на обстановку, в которой они находятся, меня это огорчает, конечно, но что я могу поделать?

Мать все время пребывала в уверенности, что не в состоянии справиться со своими тремя сыновьями, и охотно об этом говорила. Может, надеялась, что Ангус ей в этом поможет. По-видимому, он преуспел в воспитании Скотта, но ведь это был его собственный сын, а не три чужих подростка, чьи имена он с трудом мог запомнить.

Кстати, Джон, старший, по секрету сказал сестре, что никто из них не собирался подчиняться незнакомцу.

Однако, несмотря на свое нахальство, они все же избегали прямых столкновений с ним и покорно называли его отцом. Кейт применительно к Ангусу тоже использовала это слово, но отнюдь не выглядела при этом бунтовщицей.

– Я написала папе письмо, – робко призналась она матери. – Не могла бы ты дать мне его адрес?

– Нет у меня его адреса! – взвилась Амели. – Он прячется от меня, видимо, опасаясь, что я от него что-то начну требовать. Он давно и думать перестал о нас, бедняжка ты моя, смились уж наконец с очевидным!

Кейт снова почувствовала комок в горле, тот, что у нее обычно предшествовал слезам. То, как мать говорила об отце, делало ее несчастной, она не хотела верить, что он настолько злой и подлый.

– В жизни никогда не надо оглядываться назад, это почти всегда бесполезно, – продолжала Амели. – Так как твой отец нас игнорирует, то и не стоит больше думать о нем. Радуйся тому, что мы здесь, что у тебя будет прекрасная жизнь и отныне ты будешь вести новое привилегированное существование. Могла ли ты представить даже во сне, что будешь иметь для одной себя большую спальню, да еще с таким чудесным видом? Все, что ты видишь из окна, принадлежит Ангусу, а сейчас – ты часть его семьи. Вскоре ты станешь одной из самых завидных невест в округе, вот посмотришь! Тебя будут всюду приглашать, тебя...

– Куда приглашать, мама? Здесь же вокруг ничего нет, это настоящая пустыня!

– Это наши *угодья*, надо различать такие вещи. И конечно же, в соседних поместьях находится множество людей. Глазго не так уж далеко отсюда, и как только ты научишься водить машину, ты ее получишь. Ну а пока я могу тебя туда отвезти. Там есть театры, музеи, столько разных магазинов! Это уже не тот чисто промышленный город сорокалетней давности: он стал современным, модным, говорят даже, что именно там находится лучшая музыкальная сцена Великобритании.

Кейт вздохнула, вспоминая Париж и подруг в Люксембургском саду, подумала о своих мечтах, которые она собиралась осуществить и которым так и не суждено будет сбыться.

– Послушай, дорогая, – примирительным тоном добавила мать, – ты же ничего не знаешь о Шотландии. Как и все англичане, твой отец не любил шотландцев, он их высмеивал, ничего толком о них не зная, рассказывал всякие нелепицы. На самом деле эта страна – прекрасна, и ты обязательно со временем ее полюбишь.

Отец? Кейт что-то не припоминала, чтобы тот когда-либо упоминал Шотландию – тему, которая якобы не должна была его интересовать. Нет, она не была заранее настроена против этой страны, в которую приехала, но перемена оказалась слишком резкой. Покинуть Париж ради Лондона было бы еще туда-сюда, но попасть в эту безбрежную «пустыню», простиравшуюся до бесконечности, кое-где усеянную холмами и кипами деревьев, с морем вместо горизонта...

– О, я надеюсь, ты сейчас не заплачешь?

Немота дочери доводила Амели до иступления. Она начинала терять терпение.

– Твои братья слишком шумные, но, по крайней мере, они полны радости жизни! Не будь такой замкнутой, дорогая, и перестань все время уединяться в парке. Тебе лучше спуститься вниз и посмотреть, как там Мойра готовит пирожные.

С этими словами, которые она сама считала ободряющими, Амели вышла из комнаты, оставив Кейт в растерянности. Мысль сходить в кухню вовсе не была ей неприятна – там всегда царили волшебные запахи. Но у нее были совсем другие планы. Девочке хотелось взобраться на верх крыши и побывать в беседке, венчавшей особняк. Братья утверждали, что оттуда открывался потрясающий вид. Сами-то они поднялись туда в первую же неделю, а вот Кейт никак не могла решиться побороть головокружение и боязнь высоты. Почему бы не сделать это именно сейчас? Опасности никакой, а возможно, ей удастся разглядеть Скотта где-нибудь в поместье? Она надела двубортное пальто-бушлатик, прислушалась как следует, затем выскользнула из комнаты и украдкой подкралась к лестнице.

* * *

Ангус, оставшись один в кабинете-курильной, стал размышлять над недавним разговором с сыном. Он любил Скотта и даже в какой-то степени восхищался им. В том же возрасте он не обладал ни его раскованностью и умением держаться, ни его внешностью чуть загадочного красавца. Конечно, сам он был далеко не единственным рыжеволосым среди подростков его поколения, однако заполучил в полной мере набор шуточек по этому поводу, что впоследствии сыграло по-своему роковую роль в его трудностях при общении с девушками. Он никогда не считал себя особенно соблазнительным, скрывая застенчивость под маской напускной агрессивности, но тем не менее имел у женщин некоторый успех. А потом появилась Мэри. Она-то и избавила его от всех комплексов, так как влюбилась в него.

Мэри! Она была настолько хороша, что все мужчины в округе пламенно желали ее. От Мэри-то Скотт и унаследовал ярко-синие глаза, гладкие, шелковистые темно-каштановые волосы, матовую кожу и бесподобную, с легкой кривинкой улыбку. Когда Ангус смотрел на сына, он волей-неволей вынужден был вспоминать Мэри. Принять, что она исчезла навсегда, было невероятно болезненно, фантастически трудно, почти неприемлемо. Несмотря на все ее

капризы, из которых самым красноречивым и нелепым была прядильная фабрика, несмотря на то что она совершенно отдалилась от Ангуса после рождения сына, ему было суждено обождать ее до своего последнего вздоха. Оставшись вдовцом, он с головой ушел в работу, время от времени наведываясь в Глазго, чтобы позволить себе немного «наслаждений», оплаченных по таксе, когда необходимость в этом уж слишком начинала себя проявлять. Ему потребовались долгие годы, чтобы снова начать осторожно интересоваться женщинами. Он совсем не умел ухаживать, снова стал застенчивым, а оттого и слишком бурным любовником. Но в скором времени Скотт значительно обскакал его по количеству подружек, ибо был девичьим любимчиком, что порой вызывало у Ангуса сумрачную зависть. Неужели ему суждено остаться никому не нужным вдовцом, в то время как его сын только множил свои завоевания? Смешное соперничество, не правда ли? Но на кону стояла мужественность, ничто иное, и он, не собираясь записывать себя в проигравшие, вышел на охотничью тропу. Сначала Ангус навестил кое-кого из старых друзей, что обеспечило ему несколько поездок, и в Париже наконец его подстерегла самая настоящая удача.

Встреча с Амели осталась в его душе восхитительным воспоминанием. Улыбаясь, она слушала его с огромным вниманием, ее большие глаза сияли. Он вновь почувствовал себя тем молодым человеком, который впервые сжал Мэри в объятиях. Невозможно было упустить этот второй шанс, который подарила ему жизнь. Конечно, все произошло поневоле быстрее, чем следовало бы, но Амели тоже, казалось, спешила не упустить столь прекрасный случай. Пара ужинов при свечах в ресторанчиках на Сен-Жермен-де-Пре, за которыми последовала их первая ночь: она проводила Ангуса до его гостиничного номера, а потом... было сплошное ослепление. Проснувшись рядом с ней, бодрый и помолодевший, он принял то единственное решение, которое только и могло за этим последовать. Какая разница, что подумает об этом Скотт, какие выводы сделает Мойра, да и вообще, каково будет мнение всех остальных. Разве так уж важно, что у нее оказалось четверо детей? Так ли это существенно, если она слегка и преувеличила свою внезапную страсть к нему? Во всяком случае, сделала она это просто восхитительно, а если у нее и были основания для извлечения выгоды из этого брака, то уж у него тем более они имелись. Никто не мог проиграть в этой слишком поспешной, на первый взгляд, женитьбе. Кстати, со временем взаимная признательность могла обернуться подлинной нежностью, и между ними могли завязаться поистине прочные и любовные супружеские отношения.

Амели отлично вела свою партию, она так часто занималась с ним любовью, как он этого хотел. Она вела себя как настоящая подруга жизни, и поместье Джиллеспы вроде бы ей очень нравилось. Вместе с тем ей, разумеется, не терпелось вырвать из рук Мойры бразды правления особняком. Придется ли ему в случае обострения ситуации делать выбор между ними? Но пока ему вполне удавалось делать вид, что он не собирается принимать никакого участия в этих «женских распрях». И притом ни за что на свете он не согласился бы удалить сестру из поместья – слишком уж многим он был ей обязан.

Озадаченный, Ангус стал слегка поигрывать с резакон для бумаги, который обронил чуть раньше, разозлившись на Скотта. То, что сын осуждал его решение, раздражало Ангуса. Конечно, он заранее мог предположить, что первая реакция сына будет негативной, но со временем все должно было прийти в порядок. И кузен Дэвид тоже должен будет перестать удивляться каждый раз, когда станет наткаться в очередной раз на Амели за углом коридора или аллеи в саду. Теперь все должны были называть ее не иначе как леди Джиллеспы – так всем было велено!

Что касается Скотта... Неужели он чувствовал для себя угрозу в его новой семье? Думал ли он всерьез, что отец перенесет свою привязанность к нему на этих троих отпрысков новой супруги? Какая глупость! По мнению Ангуса, в Джоне, Джордже и Филипе не было ничего хоть мало-мальски привлекательного. Наглые, даже неуправляемые, подростки, которых лучше

всего было бы засадить в какой-нибудь пансион, если когда-нибудь Амели даст на это согласие. Правда, когда он об этом заговорил, она сказала, что не готова пока расстаться с ними, а он и не стал настаивать, ведь за их учебу придется расплачиваться-то ему. Представить только, что он должен будет выложить столько же, сколько выложил в свое время за обучение Скотта, да умножить все это на три, а то и на четыре, это же уму непостижимо! Итак, ладно, пусть возится со своими отпрысками, пока они не начнут серьезно портить ему жизнь. Впрочем, если бы он оставался достаточно отстраненным от этих троих бузотеров, Скотт сразу бы понял, что в смысле привязанности отца ему ничего не грозит. Да и что с них взять, с этих сынков *англичанина*! Да к тому же, вероятно, довольно мерзкого типа, который без зазрения совести послал к черту четверых своих кровных детей. Правда, несчастные не были в этом виноваты, а вот Амели, должно быть, страшно страдала, оставшись один на один с такой оравой. С этой точки зрения Ангус оказывался едва ли не в роли спасителя их судеб – роль, которая ему вполне подходила.

– Скотт, тебе придется привыкнуть, – процедил он сквозь зубы.

До сих пор все у них шло как по маслу. В сознании Ангуса у него всегда был единственный наследник, которому он с наслаждением передаст все свои дела. Естественно, самыми прибыльными были винокурни, приносившие наибольший доход. Ему он собирался передать также поля и отары овец, не говоря уже о злосчастной прядильной фабрике. Он уже заказал и герб для Скотта. Тот принимал на себя все больше и больше обязанностей и никогда не заговаривал, что изберет для себя иное ремесло.

Если не считать того, что он сказал сегодня... Провокация? Случай продемонстрировать свое сожаление? Неужели он и вправду хотел себе иной судьбы, чем та, которая ему была предначертана? Или собирался намекнуть, что, взяв в руки факел, он не собирается никогда передавать его кому-то другому?

Отчего-то вдруг почувствовав себя дурно, Ангус отбросил резак и поднялся. Он решил позволить себе выкурить сигару, чтобы немного успокоить разгулявшиеся нервы. Зря, возможно, он так все распланировал, рассчитал, как оно будет заранее. Вторжение Амели и ее отпрысков могло внести непоправимые изменения в их жизнь. Супруга, да еще страстно желанная каждую ночь супруга, вполне могла сделать Ангуса более уязвимым. И Скотт прекрасно это понимал.

Осторожно открыв коробку с сигарами, он выбрал одну, поднес ее к носу, слегка размял пальцами, потом вернулся и сел. Крошечной двойной гильотинкой он аккуратно срезал кончик сигары, чтобы не развернулись начала свернутых листьев. Каждый раз он исполнял этот священный ритуал, когда выкуривал сигару, несмотря на строжайший запрет его врача. Тот был его другом и прекрасно понимал, какое это удовольствие, вплоть до того, что иногда составлял ему компанию и тоже выкуривал сигару вместе с ним. Ангус поджег сначала ободок, затем сердцевину сигары и с наслаждением вдохнул дым. В отличие от Мэри, Амели, похоже, нравился запах сигар. Может, она говорила это, чтобы доставить ему удовольствие? Как бы то ни было, все же Ангус предпочитал блаженствовать в одиночку в своей курительной комнате.

Сквозь голубоватые завитки он взглянул в сторону окна. Ночь уже входила в свои права. Мойра, наверное, сейчас хлопотала всюду на кухне. Если, конечно, Амели не вызвалась ей помочь там, среди горячих плит и духовок. Еще одна головная боль впереди... Он вздохнул, перед тем как снова взять в рот сигару. Не лучше ли было в самом деле обзавестись постоянной любовницей где-нибудь в Глазго или другом городе, а не приводить законную жену под крышу Джиллеспи? Он, превыше всего ценивший стабильность и налаженный годами неизменный ход вещей, сунул голову в пасть ко льву. Но возможно ли было сопротивляться чувствам? Помимо плотских радостей, как же приятно было знать, что тебя любят или, во всяком случае, хотя бы ценят, ласкают, проявляют к тебе нежность, разве это можно было принести в жертву? И

он слишком долго прожил в одиночестве, чтобы теперь иметь полное право хоть ненадолго насладиться этим.

Привалившись к спинке кресла, он закрыл глаза. Он был бароном и лэрдом³, этот последний титул соответствовал английскому рыцарю. Его все уважали, счета в его банках находились в завидном состоянии, бизнес процветал. Со временем его заменит сын, и очень скоро он получит свое законное право наслаждаться лишь игрой в гольф, охотой, пламенными любовными ночами. Можно ли требовать от жизни большего? Счастье его было полным, и он никому не позволит ему его испортить.

³ Лэрд (*англо-шотл.* laird – «землевладелец, лорд») – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства в отличие от титулованных лордов.

2

Первый год, проведенный в Джиллеспии, был трудным для Кейт. Школа показалась ей подходящей, она получала довольно хорошие оценки, но подружками не обзавелась. Возвращаясь с занятий по вечерам, она садилась в школьный автобус, который высаживал ее на условной остановке посреди полей, где она выходила одна-одинешенька. На этой «остановке» ее встречали на машине Дэвид или мать, чтобы потом отвезти в особняк. Изредка, и в таких случаях сердечко Кейт начинало биться часто-часто, она издалека видела черный джип «Патриот», принадлежавший Скотту. Обычно он открывал дверцу, вставал на подножку и делал ей знак рукой, будто бы она могла его не узнать! За слишком короткую дорогу к дому он успевал ей задать несколько вопросов, делая для этого радио потише, и всегда приветливо улыбался. Но кроме этих редких случаев, она видела Скотта лишь во время еды, да и то, если он не отсутствовал на трапезе, что тоже случалось довольно часто.

Дела в их семействе шли, можно сказать, скверно. Джон, Джордж и Филип учились плохо, объясняя свои результаты множеством разных причин. Их послушать, так учителя новичков откровенно не любили, ученики дразнили презрительно «жалкими англичанами», да и школьные задания оказались слишком трудными. Мать очень огорчалась, в то время как Ангус лишь молча поднимал глаза к небу. До сих пор он ни во что не вмешивался, считая, что это не его дело, и мальчишки этим пользовались. Тем не менее они его побаивались и старались вести себя как следует хотя бы за столом. Амели с Мойрой так и не удалось найти общий язык. Амели изо всех сил пыталась всем управлять, но у нее ничего не получалось, в результате большую часть желанных прерогатив ей пришлось уступить золовке. Да что и говорить, поварихой Амели была плохой, и помимо нескольких французских рецептов, которыми очень гордилась, она почти ничего не умела готовить. А ведь к обеду их собиралось за столом по меньшей мере восемь человек, даже девять, если присутствовал и Скотт, а это требовало огромного количества еды и нескольких часов готовки. Однако Амели куда больше любила заниматься украшением дома и меблировкой, чем стряпать супы из дичи или кромсать потроха для «отвратительного» хаггиса⁴.

Ангус все больше занимался охотой, предавался любимой игре в гольф либо закрывался в курительной комнате и беседовал со Скоттом. Он любил принимать у себя друзей, часто приезжавших издалека и остававшихся на ночь в особняке, расположившись в одной из многочисленных незанятых комнат. В качестве ответных визитов они с Амели тоже получали приглашения, и он обожал щеголять под ручку с молодой женой. Во время этих отлучек он требовал, чтобы все заботы о семье брал на себя Скотт, ибо знал, что Мойра не имела над всеми необходимой для их укрощения власти, а уж Дэвид тем более.

Сначала Джон, Джордж и Филип пытались изображать мышей, которые ударяются в пляс, едва коту стоит уйти из дома, так что в конце концов Скотту пришлось призвать их к порядку. Он бы очень не хотел выглядеть ни тираном, ни слишком строгим старшим братом, но три нахальных подростка безумно раздражали его. Ленивые, разболтанные, шумные, они постоянно ругались, кроме тех моментов, когда против кого-то объединялись. Одной из самых их любимых целей была Кейт, и они развлекались, не жалея сил, подстраивая ей всякие гадости, например, обдумывая, как бы посильнее ее напугать ночью, куда спрятать ее школьные тетради или разрезать ей носочки. Привыкшая к этому с рождения, Кейт все терпела, думая лишь об одном, как бы ей не выдать своего влечения к Скотту. Если бы, не дай бог, братья догадались об этом, ее жизнь превратилась бы в ад. Однако она ничего не могла поделать: Скотт занимал и все

⁴ Хаггис (*англ.* haggis) – национальное шотландское блюдо из бараньих потрохов (сердца, печени и легких), порубленных с луком, толокном, салом, приправами и солью и сваренных в бараньем желудке.

ее мысли, и все ее маленькое сердечко. Кейт уже исполнилось четырнадцать лет, и ее фигурка стала преобразаться, становясь девичьей. Долгое время она считалась слишком миниатюрной для своего возраста, однако теперь стала настоящей девушкой-подростком, заодно и познав первые душевные порывы.

Скотт, естественно, ничего этого не замечал, он продолжал видеть в ней ребенка, всегда проявляя к ней заботу и доброту, и ни на миг не задумывался о том, что являлся объектом ее обожания. Первый год совместного проживания был и для него непростым испытанием: мачеха не вызвала в нем ничего, кроме откровенного недоверия. Стараясь как можно реже испытывать на себе давящую атмосферу особняка, он часто уезжал в Глазго, чтобы встретиться там с товарищами. Его прежние однокашники по пансиону составляли довольно большую группу, к которой регулярно присоединялись новенькие, и весь этот молодежь, только вступающий в жизнь, с удовольствием обменивался друг с другом уже имевшимся у него жизненным опытом на вечеринках, где вино лилось рекой. Скотту было хорошо в этой компании, он был общительным и восторженным юношей, и уж, конечно, от девушек не укрылись ни его бесподобные синие глаза, ни очаровательная улыбка. И если он не стремился распространяться о жизни в поместье, то с удовольствием рассказывал о винокурнях, работа в которых, казалось, вызвала у него все возрастающий интерес. То, что он прежде принимал за неприятную нагрузку, на деле оказалось увлекательнейшим занятием. Он уже рассматривал разные способы усовершенствовать производство, излагая их отцу, начинал завязывать более тесные отношения с его партнерами по виноделию и опытными служащими. А вот прядельное дело, честно говоря, ставило его в тупик. Ткачество тартанов⁵ очень вдохновляло его мать, но только не его. Тем не менее он чувствовал себя обязанным уважать ее память и, следовательно, не запускать производство, держать его на плаву. Вот кого ему для этого не хватало, так это хорошего дизайнера. Он рассказал об этом своему лучшему другу Грэму, с которым проучился почти целиком весь курс в свое время в университете, и тот представил ему молодую и красивую женщину. Звали ее Мэри, и тот факт, что она носила то же имя, что и его мать, очень позабавил Скотта. Увидев в этом «перст судьбы» и оценив ее рекомендации, он предложил ей работать у него на фабрике. Несмотря на то что Мэри была еще начинающим дизайнером, она уже добилась некоторых успехов в солидных фирмах, но главное, она была хорошенькая, умная и воспитанная.

И вот в один прекрасный момент, когда они, работая вместе на фабрике, склонились над эскизом, обсуждая его, Скотт и Мэри вдруг поняли, что они по-настоящему нравятся друг другу. Однако, чтобы избежать сплетен на работе, они решили, что будут встречаться только вне поместья. В Глазго они стали обходить стороной центральные пабы, такие как «Лошадиный башмачок», «Бабочку» и «Свинку», где могли легко встретить кого-нибудь из своей компании, а предпочитали скрываться где-нибудь в небольших ресторанчиках Вест-Энда⁶ и проводить вечера один на один. У Скотта уже имелся кое-какой любовный опыт, и не впервые его сердце билось от страсти, однако он сразу догадался, что с Мэри все будет иначе, чем то, что он знал прежде. Она была блондинкой, носила очень короткую стрижку и лишь слегка подкрашивала большие голубые глаза. Как того и требовала ее профессия, одевалась она не только с большим вкусом, но и с оттенком оригинальности. Предыдущие контракты привели ее сначала из Эдинбурга в Дублин, а затем в Лондон. И хотя, разумеется, она мечтала о Париже, похоже, в данный момент ей совсем неплохо было и в Глазго.

В течение нескольких месяцев Скотт чувствовал себя очень сильно влюбленным, однако ему было всего двадцать три года, и он не стремился слишком поспешно надевать на шею

⁵ Тартан – клетчатый орнамент, состоящий из горизонтальных и вертикальных полос, а также прямоугольных областей, заполненных диагональными полосками.

⁶ Вест-Энд – один из центральных районов Эдинбурга.

хомут. Что же касалось Мэри, той было уже двадцать пять, и она надеялась, что эта связь рано или поздно приведет их к браку, но при этом девушка старалась избегать и малейших намеков на это. Она жила в крохотной квартирке рядом с университетом, где частенько Скотт оставался на ночь. Когда это случалось, он вставал еще до рассвета, чтобы успеть к утру приехать на одну из винокурен. И если он еще ни разу не пригласил Мэри в Джиллеспии, то они уже вместе стали принимать участие в совместных вечеринках с друзьями, в глазах которых выглядели настоящей парой.

* * *

– Оставлять тарелку чистой после себя – это самый минимум вежливости за столом, – напомнил Скотт.

Сидевший напротив Джон лишь смерил его недовольным взглядом и скрестил на груди руки, не отвечая.

– Если ты не голоден или плохо себя чувствуешь, можешь выйти из-за стола и лечь в постель.

Джон поднял глаза к потолку, но остался сидеть на стуле, очевидно, решив позлить Скотта.

– Что-то не так, Джон?

– Мне не нравится твое поведение тюремного надсмотрщика, – произнес подросток по-французски.

– Ну что ж, я не знаю этого слова, но, полагаю, в нем содержится что-то очень неприятное.

Скотт хорошо говорил по-французски, что, казалось, сильно удивило троих сыновей Амели. До сих пор они использовали родной язык как секретный код, убежденные, что никто из Джиллеспии их не понимает. Пожав плечами, Джон решил снова вернуться к английскому.

– Ты не имеешь права мне приказывать, Скотт! Я разрешаю это делать только матери, да и то не всегда.

Он сделал это заявление, перемежая его вызывающим хихиканьем, а затем грубо отодвинул тарелку. Из троих он был самым наглым и всегда озвучивал свои гадости, служа братьям хорошим примером.

Скотт бросил взгляд на Мойру, которая, поджав губы, ожидала, чем закончится перепалка, Дэвид по своему обыкновению делал вид, что находится в другом месте, Кейт сидела, опустив глаза, с пылающими щеками.

– Если ты хочешь драться, то у нас разные весовые категории, предупреждаю. Ты должен понимать, что я вовсе тебе не приказываю, а прошу прилично себя вести во время совместной трапезы. Мойра каждый раз тратит столько сил, чтобы накормить всех нас...

– Но это же не еда, а отравка какая-то! – взорвался подросток. – Да уж точно, Шотландия никогда не блистала гастрономией, но я одного не пойму: как вы можете все это есть?

Скотт встал, обогнул стол и, подойдя ближе, схватил Джона за локоть.

– Убирайся отсюда, – сказал он, заставив его тоже встать со стула.

Когда они находились рядом, было видно, что Скотт выше Джона больше чем на голову. Было ясно, что, если они сцепятся, подростку победы не одержать. Похоже, Джон тоже это понял и, несмотря на всю свою ярость, пошел к двери.

– Ты еще пожалеешь об этом! – бросил он через плечо.

Они услышали, как он большими шагами пересек соседнюю гостиную, потом раздался грохот разбитого стекла. Скотт тут же выскочил из столовой и обнаружил Джона среди обломков великолепной китайской лампы.

– Я не нарочно, – возвестил тот голосом, в котором явно сквозила ирония. – Надеюсь, это не была твоя любимая ваза?

Скотт молчал две-три секунды, за которые подросток успел кое-что добавить:

– А знаешь что, Скотти? Твой отец обожает мою мать, а моя мать обожает меня... Так что я буду делать здесь что хочу, нравится тебе это или нет.

– Не смей называть меня никакими уменьшительными именами, ясно? – спокойно ответил Скотт. – Ты сам скоро поймешь, что никому не позволено делать что угодно под этой крышей. Став Джиллесли, ты вошел в семью уважаемых и аристократичных людей, а сам-то ты кто? Всего лишь обыкновенный сопляк, дурно воспитанный и трусливый. Мама его, видите ли, не будет ругать! Да сколько тебе лет, чтобы ты мог говорить как маленький ребенок?

Из столовой не доносилось ни звука, смолкли все разговоры, наверное, чтобы слышать спорщиков. Задетый за живое последними словами Скотта, Джон совершил непростительную ошибку. Он бросился на него, вскинув кулак, но промахнулся и, увлекаемый своим порывом, плюхнулся в кресло с высокой спинкой.

– До чего ты жалок, – проговорил Скотт, покачивая головой.

Обиженный, опьяненный яростью, Джон вскочил на ноги. В его глазах читалось такое страстное желание отомстить, что Скотт понял, что отныне они стали настоящими врагами. Он не знал о том, как отреагирует его отец, узнав о случившемся, но догадывался, в каком затруднении окажется Амели, тем более что сын постарается изложить инцидент в выгодном для него свете.

– Отправляйся спать, – бросил он, крайне раздосадованный.

Для него сущим мучением было видеть, как Ангус расстилается перед женой, хотя он и пытался с этим смириться в первое время. Но прошло уже столько месяцев, а он так и не смог. И теперь он задавался вопросом, как долго его отец еще будет пребывать в этом ослеплении? Вполне отчетливо формировались два непримиримых клана. Интересно, к какому примкнет его отец? Обстановка неприязни между его собственным сыном и пасынками накалялась с каждым днем все больше и больше, и рано или поздно все это должно было вылиться в грандиозный скандал.

Скотт вернулся в столовую, встреченный язвительными взглядами Джорджа и Филипа.

– Мы, пожалуй, пойдем к себе, – проворчал Джордж. Он сказал это вполголоса, и его тарелка была абсолютно пуста. Скотт кивнул, давая разрешение, а Джордж потащил за собой и брата. В наступившей тишине Кейт пробормотала:

– Мне очень жаль...

– Не извиняйся, ты тут ни при чем.

– Они всегда были ужасны! По отдельности каждый еще ничего, но когда собираются вместе... Мойра, все было просто восхитительно.

Скотт с удовольствием наблюдал за девушкой, видя сколько забавных усилий она предпринимает, чтобы восстановить мир.

– Спасибо, милая, – ответила Мойра, улыбаясь. – Не знаю, так ли уж это получилось восхитительно, но точно не было «отравой».

Выходка Джона больно ранила ее, и, вероятно, ей следовало готовиться к продолжению. Скотт догадывался, что и для нее ситуация была не из простых. Что ей следовало передать в ведение Амели, а что не следовало ни в коем случае? Раз она сестра хозяина, было ли ее положение менее престижным, чем положение его законной супруги? Подавив вздох, она обменялась взглядом со Скоттом. В присутствии Кейт им невозможно было поговорить свободно.

– Давайте я принесу десерт, – предложила девушка, которая словно догадалась об их затруднительном положении.

Она пошла в кухню, и Мойра успела этим воспользоваться, чтобы шепнуть Скотту:

– До чего она очаровательна, полная противоположность братьям!

– И она ко всему сумела приспособиться, – добавил Скотт.

Дэвид словно вышел из оцепенения: он выпрямился и начал улыбаться.

– Милая девочка, я согласен. Она обожает парк и часто приходит поболтать со мной. К тому же она прелестна, как птичка. Сам Ангус смягчается, когда с ней разговаривает.

Дэвид никогда не говорил ни о ком плохо. Тем не менее его последняя фраза была намеком на властный характер Ангуса, который он в течение долгих лет испытывал на своей шкуре. Но для него, как и для Мойры, возможность жить в Джиллеспии представляла большую удачу. Что бы они делали сейчас без щедрости своего брата и кузена? Ангус радушно принял их, предоставил им реальное место в клане, спас их от одиночества. Конечно, и они были ему полезны, поскольку отвечали за управление как особняком, так и всем, что его окружало, и возможно, великодушные Ангуса сочетались с определенным эгоизмом, однако такое положение вещей всех устраивало.

Когда Кейт вернулась, неся *кранахан* – шотландский сливочный десерт, сдобренный малиной и spryнутый виски, Скотт заметил, что действительно она стала просто восхитительной. По сравнению с прошлым годом, когда она сюда приехала, девушка сильно изменилась, выросла, ее по-детски неопределенные черты лица оформились в прелестное девичье личико. Он словно впервые увидел ее большие карие глаза с золотыми крапинками, окаймленные длинными ресницами, красиво очерченные губы, нежную, хотя и немного бледную, кожу. Через какое-то время она сокрушит не одно мужское сердце, но пока ей было всего лишь пятнадцать лет, и наверняка она еще и думать не думала о любви.

Она повернула к нему голову, и их взгляды встретились, страшно смутив Кейт, которая тут же залилась румянцем.

– В этом торте очень мало алкоголя, – усмехнулся он, – тебе тоже можно его есть.

Удивительная застенчивость девушки-подростка вызвала у Скотта прилив нежности к ней. Скотт всегда старался, чтобы ей было здесь как можно комфортнее. Трудно было поверить, что она воспитывалась тем же человеком, что и ее братья. А между тем Амели уделяла дочери куда меньше внимания, слишком занятая тем, чтобы обихаживать любимых мальчиков. От кого Кейт переняла эти изысканные манеры, изящную и сдержанную улыбку? Неужели от ее таинственного отца, о котором она никогда не говорила?

– Когда ты готовишь этот десерт, ты – моя самая любимая тетя на свете! – заявил он, подмигнув Мойре.

Он с удовольствием заметил, как она оживилась вне себя от счастья, что получила долгожданный и столь искренний комплимент.

– А теперь, – добавил он, – если вы, конечно, простите меня, я должен уйти. Сегодня я ночую в Глазго и завтра, вероятно, тоже.

– Будь осторожней на дороге, – машинально заметила Мойра.

Подойдя и поцеловав ее, он шепнул ей на ушко:

– Ну что, ты справишься сама?

– Ангус и Амели вернутся утром. Надеюсь, до этого времени все будет хорошо.

Попрощавшись с Дэвидом, проходя мимо Кейт, он легонько похлопал ее по плечу.

– Скотт! – окликнула его Мойра. – Когда же ты представишь нас всех Мэри?

Кейт впервые услышала имя таинственной подруги Скотта, и ей показалось, что ее ударили прямо в сердце.

– Я не хочу приглашать ее сюда... пока... – ответил Скотт вполголоса.

Кейт поняла, что он имел в виду ее мать, братьев, может, и ее тоже. Сама мысль о том, чтобы представить своей подруге весь этот шумный и не слишком воспитанный мир, должна была вызывать у него раздражение.

– Ангус пришел бы в восторг, зная, что ты обручен, – пошутила Мойра. – Ведь он ждет с нетерпением, когда ты наделаешь много-много маленьких Джиллеспии!

– Я пока не на той стадии.

Уставясь на свою тарелку, Кейт больше не хотела на него смотреть. Интересно, выглядел ли он счастливым, когда говорил об этой Мэри? Спешил ли он поскорее уехать, чтобы пораньше встретиться с ней? Это у нее он оставался на ночь в Глазго? Тысячи вопросов, самых разных, теснились в ее головке, а некоторые заставляли гореть ее нежные щеки. Когда она осмелилась поднять голову, оказалось, что Скотт уже ушел, и сразу мир наполнился пустотой. Мойра любезно предложила ей съесть еще порцию десерта, и она поспешила согласиться, надеясь, что виски поможет ей быстрее заснуть. Каждым вечером, лежа в постели, она думала о Скотте, мечтала о нем, выдумывала разные прекрасные истории. Она понимала, что это всего лишь бесплодные мечтания, что Скотт не будет ей предназначен жизнью, но не могла помешать себе мечтать о нем все смелее и смелее. Жизнь под одной крышей, безусловно, подогревала эти мечтания, каждая обращенная к ней улыбка лишь усиливала ее одержимость, а как же теперь? Теперь все будет гораздо хуже, ведь она знает, что другая покорила сердце Скотта, и будет постоянно терзаться ревностью. Ведь она была абсолютно бессильна перед судьбой: во-первых, ей еще не исполнилось и пятнадцати, а во-вторых, она была дочерью Амели, и оба препятствия были непреодолимыми! Через несколько месяцев или лет ей предстоит присутствовать на свадьбе Скотта, возможно, она даже будет подружкой невесты, и ей останется только пожелать им обоим счастья!

Расстроенная, она постаралась отогнать мрачные мысли, встала и принялась помогать Мойре убрать со стола.

* * *

Как всегда, элегантная, Мэри была одета в очень коротенький килт, черные плотные колготы и высокие сапоги. На ней было одно из последних ее творений: кремовый свитер с большим воротом «хомут», отделанный серебристыми нитями.

– Ты потрясающе... – прошептал Скотт, сжимая ее в объятиях.

Он говорил ей эти слова каждый раз при встрече с обезоруживающей искренностью.

– Налить тебе виски? – спросила она. – Как ты уже заметил, я на этот раз выбрала «Джил-леспи»! Пришлось немало потрудиться, чтобы найти, ведь вы поставляете его в очень ограниченном количестве... Как дорога?

– Скользкая. Мокрая. Но пока не обледеневшая. Мне кажется, к завтрашнему утру стоит быть особенно внимательными.

Завтра утром они планировали вдвоем поехать на своих машинах до фабрики, где Скотт собирался провести утро, прежде чем отправится на одну из своих винокурен в Гриноке⁷.

Пока она готовила бокалы, он не отрывал от нее взгляда, счастливый, что находится рядом. Маленькая квартирка Мэри была современной, уютной и какой-то жизнерадостной. Необычная обстановка для Скотта, привыкшего к внушительной мебели особняка, его огромному пространству, закоулкам и крытым галереям.

– Старший из сыновей Амели вчера вечером снова устроил скандал. Да еще и воспользовался этим, чтобы разбить очень ценную китайскую лампу.

– До чего же отвратительный мальчишка!

– Если бы я в его возрасте позволял себе такое безобразие, мне быстро бы объяснили, что к чему. Но теперь отец совсем околдован новой женой, он ни во что не вмешивается и закрывает на все глаза.

– Если лампа стоила дорого, он их снова откроет, – шутливо предсказала Мэри.

⁷ Гринок – город в Западной Шотландии, порт на южном берегу эстуария реки Клайд, административный центр района Инверклайд.

– Не уверен. Амели найдет для сынка оправдание. Она не понимает, что, потакая детям во всем, скоро сделает их просто невыносимыми. Я говорю о мальчишках, разумеется, потому что Кейт – очень милая девочка.

– Хотелось бы мне однажды со всеми ними познакомиться.

– Действительно?

Мэри протянула ему свой бокал и подождала, пока он поднимет на нее глаза.

– Да, действительно.

Она не понимала, почему он до сих пор ни разу не свозил ее в поместье Джиллеспы. Фабрика была совсем рядом с особняком, но Скотт никогда не приглашал ее туда, хотя бы просто, чтобы позавтракать.

– Думаю, что в твоём возрасте ты имеешь право завести подружку, да к тому же я еще и одна из твоих сотрудниц!

Мгновение он колебался, подыскивая наименее обидный ответ.

– Мой отец не очень... современный человек. Если я приглашу тебя в особняк, он увидит в этом едва ли не официальную помолвку и примет тебя с такой помпой, что ты будешь поражена. Пока я еще не представлял ему ни одну из моих подруг, только приятелей. Он всегда рад, когда они приезжают, но тут же приводит их в ужас своими допросами по поводу их будущего, политических взглядов и мнений насчет независимости Шотландии!

Он надеялся, что Мэри улыбнется ему после этих слов, однако увидел на ее лице полную сомнений гримаску.

– Мэри...

Встав с дивана, он подошел к ней и взял ее за руки.

– Пока нам не стоит задумываться о более серьезных вещах, достаточно пользоваться сегодняшним моментом и чувствовать себя счастливыми. Так давай же наслаждаться настоящим, согласна? Я люблю тебя, Мэри, и мне очень хорошо с тобой.

Без сомнения, она надеялась на что-то еще, кроме этого банального заверения, и потому ничего не ответила, а только прислонилась головой к плечу Скотта.

– Я только начинаю зарабатывать себе на жизнь, – продолжил он тихим голосом. – Да, меня назначили управляющим фабрикой, но на винокурне я пока обычный служащий.

– Но ты же все время там работаешь!

– Пока я себя ничем не проявил. Отец очень ревностно относится ко всему, чем занимается, и ждет от меня наилучших результатов, опасаясь, что я принесу ущерб делу из-за нерешительности или некомпетентности. Но у меня не так много места для маневра: с одной стороны, он требует, чтобы неукоснительно соблюдались все заведенные им много лет назад порядки, а с другой – ждет от меня нововведений. Ведь он знает, что мир быстро меняется и что, возможно, скоро многие его опередят, но пока он до конца во мне не уверен. Ему самому пришлось бороться за то, чтобы его отец передал ему факел в эстафете, и он не собирается преподносить мне его на блюдечке с голубой каемочкой.

– Но в то же время он дает тебе полную свободу действий, не так ли? Ты говоришь, что он только и занимается, что своей женой, игрой в гольф да охотой...

– И притом каждый день вызывает меня в свой кабинет для отчета. Мне ведь только еще будет двадцать четыре года, и отец считает, что рановато мне всем заправлять.

– Но твоя личная жизнь касается только тебя.

– Я женюсь, только когда у меня будет для этого достаточно средств, не раньше.

Он сказал это таким резким тоном, что Мэри поневоле отодвинулась от него, а он не сделал ничего, чтобы ее удержать. Почему же тогда, если Скотт настолько в нее влюблен, он не хочет рискнуть? Ведь это было единственным способом убедить ее в серьезности своих чувств! А вместо этого Скотт не только не собирался жениться, но даже и помыслить не мог об этом. Неужели все мужчины настолько нерешительны в отношении женитьбы? Скотт производил

впечатление очень независимого человека, наверняка он будет отстаивать свою свободу любой ценой. Он и представить не мог, что, например, из этого Джиллесли, где он родился и все время жил, можно было просто уехать куда-нибудь в другое место и находиться там с женой и детьми. На самом деле если уж Скотт о чем и думал, то только о том, чтобы снять себе небольшую квартирку-студию и поселиться в ней одному. Может, стоило поискать где-нибудь поближе к Гриноку, на побережье, чтобы быть рядом с винокурней, или в самом Глазго, в котором ему очень нравилось, где он мог веселиться с друзьями. После многочисленных вечеров, проведенных вдвоем, Мэри и Скотт вновь вернулись в свою тесную и непринужденную компанию приятелей, с которыми ходили на концерты и в пабы. Но разве сможет женщина когда-нибудь понять, что мужчине хочется иногда иметь собственную «берлогу», для себя одного? Разве нельзя просто приглашать друг друга в гости время от времени...

– Как жаль, что мы не мечтаем об одном и том же, – вздохнула Мэри.

Она отошла от него и теперь стояла у окна, наблюдая за жизнью улицы, где царило необыкновенное оживление. На мгновение он испугался, что Мэри сейчас скажет что-то, что может положить конец их отношениям. Он не намеревался потерять ее, он просто хотел, чтобы она проявила больше терпения. Ведь она была всего на два года старше, почему же она так спешила?

Когда она обернулась, он вновь был поражен ее красотой. Изящные мелкие пряди светлых волос короткой стрижки обрамляли безупречно изящное лицо: тонкий носик, миндалевидные глаза, прекрасно очерченные губы. Каждый раз, когда он ее раздевал, у него дух захватывало от ее идеально круглой груди, тонкой талии, пышных бедер и плоского живота. В глазах посторонних мужчин, когда они на нее смотрели, вспыхивало желание, а так как она всегда была одета, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры, то среди других женщин всегда была самой притягательной. Уверенная в себе, очень женственная, всегда улыбающаяся, она ему понравилась с первого взгляда, и желание Скотта к ней не угасало с тех пор, а лишь разгоралось сильнее. Он приблизился к ней и, обняв, проговорил:

– Во всяком случае, сейчас я просто мечтаю заняться с тобой любовью. Ты – самая красивая женщина из всех, кого я знаю.

Стоя позади нее, Скотт крепко держал Мэри в своих объятиях, он поцеловал ее в затылок, в ушко, однако вместо того, чтобы подхватить любовную игру, она сказала:

– Раз уж мы не можем встретиться с твоим отцом, я хотела бы познакомить тебя с моим. О, не бойся, это тебя ни к чему не обяжет, просто он очень интересуется парнем, с которым я встречаюсь. согласишься ли ты как-нибудь провести выходные со мной в Эдинбурге? Я пообещала, что буду там к концу месяца, но нам вовсе не обязательно жить у родителей. Мы можем снять номер в отеле, а их просто пригласить поужинать с нами.

Скотт застыл расстроенный. По строгим канонам воспитания, которые преподал ему Ангус, познакомиться с родителями девушки было равнозначно тому, чтобы попросить у них ее руку и сердце. В противном случае как же он сможет чувствовать себя непринужденно перед человеком, который будет на него смотреть и думать при этом: «Вот тип, который спит с моей дочерью».

– Ты и в этом мне отказываешь? – настаивала Мэри.

– Да нет, что ты, никаких проблем, – выдавил он.

– Они живут недалеко от Шарлотт-сквера, знаешь, где это?

– Прекрасный район...

– Я скучаю по Эдинбургу, я была там очень счастлива.

– Так почему ты оттуда уехала?

– Окончив учебу, я захотела попутешествовать, повидать другие места. Дублин и Лондон – чудесные города, но я всегда скучала по Шотландии.

– А как ты оказалась в Глазго?

– Я подписала там контракт с одной фирмой, который как раз закончился, когда мы с тобой впервые встретились. И тут ты предложил мне работу!

На ее лице появилась нежная улыбка, словно Мэри вспомнила тот счастливый момент, который до сих пор вызывал у нее волнение.

– Во время собеседования ты едва на меня смотрел, тебя интересовали только мои эскизы и резюме, но я просто пожирала тебя глазами, молясь, чтобы ты меня взял. Такие красавчики шефы не каждый день попадаются!

– «Красавчик»? – повторил он с гримасой.

Потом разразился смехом, забыв о своей досаде. В конце концов, к чему мог обязать его обычный ужин с родителями Мэри? Зачем создавать из всего непреодолимые препятствия? Она так хотела этой встречи, что Скотт подумал, что не стоит лишний раз ее разочаровывать.

* * *

– Джон не десятилетний мальчишка, которого запросто можно отправить спать, – протестовала Амели. – Скотт по отношению к нему повел себя бестактно и глупо.

Ангус кивнул, все еще надеясь избежать сцены, однако Амели на этом не остановилась:

– Стоит нам с тобой куда-нибудь отлучиться, как он начинает вести себя с моими сыновьями как тиран. Чтобы Джон нарочно разбил лампу? Да это же просто чушь несусветная, он скоро будет совершеннолетним, ты хоть это понимаешь?

– Позволь заметить, что я уверен, что хаера⁸ ему не видать как своих ушей. А если он его не сдаст, – напомнил он, – про университет можно забыть.

– Ну, значит, попытается во второй раз. Пока он еще не определился с будущей профессией. Но здесь есть и моя доля вины. Я перетащила бедных мальчиков из Франции в Шотландию, а здесь совсем другая система образования! Они никак не могут адаптироваться... Это же так понятно!

– Дорогая, они здесь уже больше года – достаточное время для любой адаптации.

Ангус не собирался брать на себя ни малейшей ответственности за плохую успеваемость трех мальчишек и уж совсем, ради полной объективности, не обращал никакого внимания и на блестящие успехи Кейт. Единственное, что он хотел, – держаться как можно дальше от отпрысков Амели, хотя это не всегда было легко.

– Но ведь дочь-то твоя прекрасно со всем справляется, – добавил он примирительным тоном.

– В таком возрасте девочки всегда мудрее мальчиков. Полагаю, что и Скотт не всегда был примерным учеником!

Она постоянно сравнивала своих сыновей со Скоттом, что в конце концов надоело Ангусу.

– Мой сын всегда шел прямым путем, ничего другого я просто не допустил бы, – проговорил он.

– И что же он выбрал в качестве ориентира?

– Мы выбрали вместе. Он всегда знал, что когда-нибудь ему придется взять дела в свои руки, как это бывало у нас в каждом поколении, и что он обязан обеспечить их процветание, насколько возможно. Поэтому он изучал управление бизнесом, торговлю и маркетинг в течение четырех лет в университете, затем получил диплом бакалавра, после чего уехал в тур по Европе – набираться опыта.

⁸ Ангус имел в виду выпускной экзамен средней школы, приблизительный эквивалент бакалавриата во Франции или экзамена А-уровня в Англии.

– И ты, разумеется, оплатил ему это развлекательное путешествие? – с иронией произнесла Амели.

– Конечно, нет! Он не поехал туда в качестве туриста, а проходил стажировку в различных хозяйствах, сравнивал различные методы и возможности, изучал рынок алкогольной продукции и текстиля. Да, мне хотелось, чтобы он чувствовал себя более уверенным в тех областях, которыми ему придется заниматься, а не бродил как слепой котенок, натываясь на неведомое, как некогда приходилось это делать мне. В мое время все было иначе, специальных знаний тогда было не получить, вот и познавалось все только в процессе самой работы, на практике. Теперь же, с развитием глобализации, все стало иначе, передовые практики внедряются и распространяются очень быстро, за всем нужно поспевать!

Вероятно, он говорил со слишком большим энтузиазмом, поскольку Амели становилась все мрачнее. И хотя Ангус все еще был влюблен в жену, но глупым не был. Он прекрасно понимал, что она задумывалась о будущем собственных сыновей и по возможности постарается ему их навязать. Этой перспективы он боялся больше всего, однако ему следовало быть более дипломатичным, чтобы избежать ссор. Когда Амели бывала чем-то недовольна, она ночью в постели поворачивалась к нему спиной, оставляя его разочарованным, с неутоленным желанием. Ибо он уже вкусил ее тела, привык к удовольствию, которое оно ему доставляло, и не хотел себя его лишать. Слишком долго он жил в воздержании, ведя жизнь вдовца, и теперь в роли «новобрачного» собирался пользоваться удовольствием, которое дарила ему жена, сполна.

– У тебя целых три компании, Ангус. Скотт никогда не сможет управлять ими один, используя передовые методы, это слишком для одного человека. Почему бы тебе не попытаться заинтересовать Джона или Джорджа, например, прядильной фабрикой?

Вопрос застал его врасплох. Фабрика? Помилуй бог, это же было дело Мэри! Никогда Скотт не допустит хозяйничанья там одного из сыновей Амели, он увидел бы в этом оскорбление памяти матери.

– Я предлагаю тебе фабрику, потому что чувствую, что винокурни для нас под запретом! Тем не менее я ношу твою фамилию и тоже Джиллесли.

– Ты, но не твои дети, – сухо ответил Ангус.

Ответ вырвался сам собой, однако попал точно в цель. Амели испепеляла его взглядом.

– Это потому, что их отец англичанин, ты их отвергаешь, отбрасываешь от себя, да?

– Нет... Я совершенно их не отвергаю. И даже готов предложить им кое-что, что сможет поднять их школьные результаты. Мальчишек следует устроить в закрытый пансион, Амели. Точно так же я поступил и со Скоттом, и он получил там прекрасное среднее образование. Оплата за учебу в таких заведениях превышает все разумные пределы, но я могу себе позволить содержать там всех троих. Можешь считать мое предложение подарком тебе.

Амели все же удалось сдержать гнев, и она возразила плаксивым тоном:

– Я не собираюсь с ними разлучаться. Кроме меня, у них никого нет! Если они уедут в пансион, мы больше не сможем общаться, ведь они будут далеко от меня, от сестры...

– Ваше «общение» обычно сводится к ссорам, и они только мучают сестру.

– Ты слишком суров к ним и упрям к тому же. Так послушай: ни за что на свете я не отправлю их туда, чтобы ты мог от них отделаться. Если у тебя хватило жестокости так поступить со своим сыном, мне все равно, но я – другой человек и не сделаю этого. Я слишком чувствительна, чтобы перенести то, что я все время буду думать о них, что они сейчас, в это время, находятся в холодном интернате, может быть, их разлучили друг с другом, может, несправедливо наказали...

– Их и нужно наказывать, а ты на это не способна.

Он сразу понял, что зашел слишком далеко. Амели выпрямилась во весь рост и смерила его презрительным взглядом.

– Вопрос закрыт, – произнесла она. – Не заставляй меня пожалеть о том, что я доверилась тебе и потащила их за собой в такую даль. Дети для меня – святое. Я сразу тебя предупредила. А теперь прошу мне сказать честно, если я и мои дети – нежелательные персоны под твоей крышей.

– Ну хватит тебе, Амели! Вы все пятеро для меня самые «желательные персоны», как ты сказала, и я каждый день благодарю судьбу, что она свела нас с тобой. Этот дом – твой, и я хочу, чтобы ты чувствовала себя в нем хорошо.

– Тогда перестань меня расстраивать, перестань обвинять моих сыновей во всех смертных грехах, и хватит тебе превозносить своего любимчика Скотта, пока я не начала его ненавидеть.

Чтобы смягчить эти слова, она прильнула к нему, обняла его за талию и поцеловала в губы. Почувствовав ее тело так близко, он мгновенно возжелал ее. Ах, как же он обожал подобные мгновения ее обостренной чувственности, когда она начинала его провоцировать на сладкую любовную игру! Да чем он, собственно, заслужил такое, что настолько прелестная женщина хочет заняться с ним любовью? Он не был ни молод, ни хорош собой, он отлично знал это, однако она, несомненно, получала удовольствие, когда он ее ласкал. Неловким жестом он приподнял ее свитер, расстегнул лифчик и впился пальцами в ее грудь. Закрыв глаза, она издала какое-то сладкое урчание удовлетворенного желания, которое попросту приводило его в бешенство, сводило с ума.

Ему страстно хотелось сделать ее счастливой. Не только удовлетворить физически, но и принести ей счастье, и, может быть, как знать, окончательно изгнать из ее сердца этого проклятого Майкла.

* * *

– Мы имеем право прийти с кем захотим, – повторила Кейт. – С кем-нибудь из родни, с другом, братом, лишь бы рядом был сопровождающий кавалер. Но я никого здесь не знаю.

Взгляд, полный надежды, смутил Скотта, который одарил ее признательной улыбкой.

– С братом? Да у тебя их целых три!

– Я никогда не попрошу их меня сопровождать куда бы то ни было. Они совершенно не умеют себя вести, ты же их знаешь. Ну пожалуйста, Скотт... Это будет очень веселая вечеринка, хотя и под присмотром учителей.

– А переодеваться надо?

– Определенного костюма не нужно, можно выбрать любой. В школе всегда устраивают эту вечеринку в ноябре, но в прошлом году я только что приехала и еще чувствовала себя одинокой, потому и не пошла. На этот раз не пойти будет неудобно, нельзя пропустить. У нас будет накрыт стол, все ученицы принесут с собой какое-нибудь угощение, я, например, попросила Мойру испечь шоколадный торт для нас, а потом начнутся танцы!

– Никакого алкоголя, я полагаю?

– Пиво, да и то только для родителей. Ты можешь вполне считать себя родителем, если учесть твой возраст. Ну пожалуйста, согласишься, скажи да...

Она была такой трогательной, что, в конце концов, он уступил. Стоит признать, что ей тоже нелегко далось привыкание к школе, как и к самому Джиллесли, разве не заслуживало это поощрения?

Как только Скотт дал согласие, Кейт, взвизгнув от радости, прыгнула ему на шею.

– Какой ты выберешь себе костюм? – спросил он. – Переоденешься в эльфа? В Бело-снежку? В Робин Гуда?

– Почему не в принцессу?

– Мне кажется, стоило бы проявить большую изобретательность.

Разочарованная, она состроила досадливую гримаску.

– Я поговорю с Мойрой, ведь она будет заниматься моим костюмом. А ты, Скотт, в каком образе ты себя видишь?

– Понятия не имею. Султан? Нет, слишком сложно.

– Вильгельм Завоеватель? – предположила она.

– Естественно, нет. Ведь это он вторгся в Шотландию!

– С тех пор прошла тысяча лет.

– Браво, мадемуазель, как вижу, вы хорошо учились истории. Ладно, я еще подумаю. Когда точно должна состояться вечеринка?

– В субботу, двадцать восьмого.

– Ну и ну...

Дата костюмированного бала совпадала с днем, когда он запланировал встретиться за ужином с родителями Мэри. Но ему так не хотелось разочаровывать Кейт, и он предположил, что встречу с родителями вполне можно отложить на неделю-другую и что вряд ли Мэри на это обидится.

– Ах, женщины! Вы обладаете редким искусством всегда усложнять нам жизнь! – усмехнулся он.

Это явно было сказано в шутку, однако Кейт смутилась, опустил глаза.

– Я тебя обидел? Прости, моя крошка.

Играючи, Скотт взял одну из ее косичек и сделал девушке из нее усы.

– В роли Чарли Чаплина ты тоже была бы очень хороша, а у Мойры наверняка в каком-нибудь шкафу отыщется подходящий котелок.

Улыбнувшись ей напоследок, Скотт быстро ушел, сказав, что у него еще много дел. Оставшись одна, Кейт глубоко вздохнула от досады. За кого он ее продолжал принимать? За десятилетнюю девчонку? Разве он не заметил, насколько она изменилась? Но то, что он согласился сопровождать ее на костюмированный бал, само по себе уже было неслыханной удачей. Скотт будет ее кавалером! Все ученицы ее школы попадают в обморок от зависти! И не собирается она рядиться в клоуна или карлика, ни за что на свете! Наоборот, она предстанет в своем лучшем виде. В платье принцессы или феи и обязательно с высокой прической, которая сразу добавит ей лет, а там, кто знает, может, осмелится и на декольте.

При этой мысли ее щеки вспыхнули. Она ничего не смыслила в способах соблазнения. Ведь с утра до вечера Кейт находилась только в обществе девчонок в школе, а на выходных была со своей семьей. Она никогда и никого еще не пыталась *соблазнить*. Разумеется, она много об этом читала, смотрела сериалы и фильмы о любви по телевизору, но не была уверена, что способна предпринять то, что делали для этого их героини. Да и если бы она знала, как это делается, разве посмела бы она испробовать эти приемы на Скотте? Меньше всего она хотела оказаться в его глазах смешной, вызвать его осуждение или хотя бы неодобрение. Она просто безумно боялась ему не понравиться, ибо, оставь он ее, она потеряла бы навек самую светлую радость своей жизни, самую большую ее драгоценность. Но, ей-богу, обращаться с ней как с ребенком – в этом было что-то непереносимое!

Кейт подошла к великолепному венецианскому зеркалу, украшавшему одну из стен. Маленькая гостиная, в которой она сейчас находилась, не была такой помпезной и торжественной, как две другие большие гостиные, предназначенные для приемов, и в ней девушке было гораздо приятнее находиться.

Нежная, уютная атмосфера малой гостиной ей очень нравилась, и она втайне надеялась, что мать, которая еще не закончила полную перedelку всех комнат, не будет здесь ничего менять. Несколько мгновений она смотрела на свое отражение критическим взглядом: зарождавшийся некстати прыщик на щеке, немного редкие зубы, которые братья элегантно называли «кроличьими зубами», слишком бледная кожа. Интересно, сколько лет ей можно было дать?

Вот бы поскорей вырасти, измениться! Когда же, через сколько времени станет она похожей на женщину или хотя бы на молодую девушку? Пока она производила лишь впечатление угловатого и дурно причесанного подростка с этими ужасными косичками! В сотый раз она спросила себя, как, интересно, выглядит эта Мэри? Несомненно, она была великолепна, иначе разве выбрал бы ее Скотт?

– Мэри... – сказала она зеркалу.

Несколько раз Кейт с отвращением произнесла это имя, а потом показала своему отражению язык.

– Ты сама с собой говоришь или репетируешь пьесу? – бросил ей с порога Джордж.

Рядом с ним стоял Филип, и оба они прыснули со смеху. Не оборачиваясь, она в зеркале сверлила их взглядом. Если бы Скотт все-таки отказался ее сопровождать, она бы скорее не пошла на бал совсем, чем тащить туда этих неотесанных болванов. Никто из них не умел себя правильно вести в приличном обществе. И это притом что остальные девочки ее школы только и мечтали, чтобы показать всем своих братьев!

– Я репетирую кое-что о Марии Стюарт, – небрежно обронила она.

Кейт научилась больше не бояться их, по крайней мере, когда она находилась в доме, потому что, в отличие от матери, Ангус, Скотт и Мойра всегда принимали ее сторону.

– Этот Гадкий утенок, похоже, превратился в настоящую задаваку, – усмехнулся Филип.

– Зато вы трое не меняетесь, все такие же хамоватые и ограниченные!

Когда она собиралась выйти, они, стоя на пороге, преградили ей путь, и каждый схватил ее за косичку.

– Тебе не помешало бы получше причесаться...

– Убирайтесь к черту отсюда!

Они по очереди стали дергать ее за косички, заставляя раскачиваться между ними.

– Хватит, больно!

– Давай, давай, маленькая скво, танцуй немного быстрее...

Кейт тщетно пыталась освободиться, натянутая кожа на голове причиняла ей страшную боль.

– Немедленно отпустите вашу сестру.

В соседней гостиной внезапно возникла массивная фигура Ангуса, который направлялся к ним большими шагами. Приказ он отдал спокойно, но его внушительный голос трибуна разнесся по всему особняку.

– Что здесь происходит, вы что забыли, где находитесь?

– Мы просто развлекаемся, – возразил Джордж.

– Странное развлечение. Вам что, больше делать нечего?

Ангус смотрел на них строго, без малейшей снисходительности, и мальчишки украдкой обменялись взглядами. Кейт знала, что они только и жаждали, чтобы позлить отца, но Джона рядом не было, а без своего заводили на продолжение у них не хватало смелости. Джон у них был лидером, которому каждый раз удавалось убедить мать в своей невиновности.

– Займитесь чем-нибудь поумней. А ну, пошли!

Джордж на мгновение заколебался, но, в конце концов, покорился, вышел и потянул за собой Филипа.

– Спасибо, – пробормотала Кейт после их ухода.

– Тебе не следует терпеть их пакости, сразу же зови на помощь, если они начнут к тебе приставать.

– Да они, в общем-то, не злые, – проговорила она без особой убежденности.

Не желая дальнейшего развития событий, Кейт надеялась, что Ангус смягчится.

– Не знаю, злые они или нет, но глупые – точно. Не будь они глупцами, они гордились бы тобой и защищали тебя.

Он внимательно посмотрел на нее, потом почему-то спросил:

– Со Скоттом у тебя, надеюсь, все в порядке?

– Со Скоттом? – переспросила она, стараясь сохранить равнодушный вид. – О, Скотт всегда так добр ко мне...

– Ну и здорово.

Резко повернувшись, он пошел прочь тяжелой походкой. Кейт до сих пор не понимала, как ее мать могла влюбиться в такого мужчину, но начинала испытывать к нему что-то вроде уважения, хотя и побаивалась его. С ней он всегда был любезен, поздравлял с хорошими результатами учебы, а порой снисходил до комплиментов по поводу нового пальто или берета. Потребовалось несколько месяцев, чтобы Ангус начал ее по-настоящему замечать, но однажды в воскресенье, когда никто не мог составить ему компанию, чтобы пойти к мессе, даже Мойра, которая не могла оставить включенную плиту, Кейт предложила ему себя в роли сопровождающей. Во время службы он бросил на нее два-три внимательных взгляда, а на обратном пути спросил насчет ее веры. Девушка не была уверена в своих религиозных убеждениях, и тогда он понял, что она вызвалась ему в спутницы исключительно ради него самого. Позабавленный, а возможно, и тронутый этим жестом, Ангус задал ей еще несколько вопросов, так что, в конце концов, между ними завязался довольно оживленный разговор. Впоследствии он никогда не принуждал ее ходить к мессе, хотя и не препятствовал этому, и вообще больше не возобновлял подобных бесед. Скорее всего, он продолжал считать, что это обязанность Амели как матери дать детям наилучшее воспитание, в том числе и религиозное, и она пусть делает это по своему усмотрению. Он никогда и ни во что не вмешивался, это было так, но суровые взгляды, которые он время от времени бросал на мальчишек, говорили о его истинном отношении. Жалел ли он о том, что взвалил на себя заботу о четырех пасынках? Кейт надеялась, что нет, потому что с недавних пор совершенно не желала покидать Джиллесли. Разумеется, здесь был Скотт, но также и чудесный парк, по которому она могла бродить сколько душе угодно, даже иногда предлагая Дэвиду устроить то там, то тут какую-нибудь новую клумбу или грядку. А еще этот чудесный вид, которым она могла наслаждаться из беседки, куда часто поднималась, любуясь морским берегом и постепенно укротив боязнь высоты. И потом, благодаря Мойре в особняке создалась своего рода семейная атмосфера. Зимними вечерами на кухне царил благодатный тепло, а из духовки по дому распространялись соблазнительные ароматы. В конечном итоге здесь, в шотландской глубинке, Кейт обрела то, чего ей так не хватало после развода родителей. И потому что своим идолом она сделала Скотта, ей временами удавалось забыть о полном равнодушии к ней матери.

Решительным жестом девушка сняла резинки с косичек, расплела их и с наслаждением встряхнула распушенными волосами.

* * *

Амели пришлось еще раз перечитать письмо Майкла, настолько оно ее ошеломило. Но прежде она пошла и заперла дверь спальни на ключ. Вообще-то, Ангус должен был вернуться еще не скоро: ранним утром он отправился на охоту с парой винтовок, двумя охотничьими ружьями известной фирмы «Верней-Каррон», которые и были причиной его поездки во Францию. Купил он их в Сент-Этьене⁹, прежде чем позволить себе остановиться на несколько дней у друзей в Париже, где и произошла его встреча с Амели. Думая об этом, она каждый раз радовалась тому, что ей удалось тогда схватить удачу за хвост. Она вспоминала, как начала с того, что задала ему пару вопросов о том, какая дичь водится в Шотландии, каковы местные

⁹ Сент-Этьен – город и коммуна во Франции, административный центр департамента Луара региона Рона-Альпы.

способы охоты, словно ее интересовал этот странный для женщины предмет, пока он не начал поглядывать на нее масляными глазками.

Заперев дверь, Амели вернулась к окну, откуда могла наблюдать за прибытием в парк автомобилей, и надела очки. Почерк Майкла ничуть не изменился, однако на сей раз в тоне письма свозила мрачная ирония.

Ты наверняка удивишься, получив от меня весточку после столь долгого молчания, но теперь наш развод – дело давно свершившееся, и я надеюсь, что все наши ссоры остались позади. Во всяком случае, я говорю за себя, потому что знаю, насколько ты обижена и злопамятна.

Итак, ты снова вышла замуж – за шотландца... Я испытал настоящий шок, когда увидел его фотографию! Да, этот джентльмен явно не Дон Жуан, либо просто-напросто фотограф имел на него зуб. У наших мальчишек, к счастью, славные мордахи, хотя они и не тянут, пожалуй, на красавчиков, и притом они так сильно выросли, что меня это очень обрадовало и даже в чем-то мне польстило. Как жаль, что в галерее этих чудесных портретов не оказалось ни твоего, ни Кейт. Теперь, наверное, ты интересуешься, откуда у меня эти фото, твой адрес и столько подробностей, не так ли? И поскольку мне прекрасно известно, что в компьютерах ты далеко не самый продвинутый человек, то вряд ли ты подумаешь о «Фейсбуке». Зато наши сыновья активно им пользуются и ведут в Сети активную переписку. Пока я не входил с ними в контакт, не хотел этого делать, не посоветовавшись с тобой, но очень скоро, надеюсь, это произойдет.

Насколько я мог сделать вывод из их постов, они не в восторге от своего отчима, шотландца, которого считают деревенщиной, да и саму Шотландию не считают местом, где им хотелось бы жить. А ведь между тем прекрасное поместье сулит им определенную выгоду в жизни, равно как и состоятельность его владельца. С этой точки зрения ты, безусловно, прекрасно выпуталась из тяжелой ситуации и, главное, не стала затягивать с поисками мужа! Женщины в этом плане – существа замечательно организованные, и мне не стоило долго лить слезы насчет твоей «ужасной судьбы». К счастью, я и не думал этого делать.

Итак, теперь ты – владелица поместья, а наши дети чуть ли не потомственные аристократы... Безумие! И самым безумным является то, что человек, оказывается, способен добровольно обременить себя, и не только материально, четырьмя чужими детьми! Тем более шотландец, ведь шотландцы всегда отличались непомерной скупостью. Твой оказался не злым и не подозрительным, если принять во внимание скорость заключения вашего брачного союза, что сыграло тебе на руку. И все-таки будь настороже, судя по тому, что пишут наши сыновья в Сети, они не собираются меня им заменять и нисколько не нуждаются в его псевдоотцовском руководстве. Я обязательно буду встречаться с сыновьями время от времени, чтобы при необходимости вводить их в нужные рамки, но не стану скрывать, что страшно перегружен на службе. Как и ты, я вступил во второй брак, у меня двое малолетних детей, и моя жена не работает. Живем мы в Париже, куда я вернулся с огромной радостью, если не считать, что там жутко дорогая жизнь, так что не жди от меня ничего в материальном плане, впрочем, что для тебя не так уж и важно, если учесть твое комфортное существование.

Скажи моей маленькой принцессе, что я часто думаю о ней. Стала ли она уже прекрасной или все еще находится в неопределенности подросткового возраста? Главное, не выдавай ее замуж за толстяка, подобного твоему, каков бы ни был его счет в банке!

Целую и не держу на тебя никакой обиды.

Майкл.

Задумавшись, Амели сложила письмо. Прочитав его в первый раз, она испытала шок, а затем вспышку гнева, а тут вдруг расплакалась. Ох нет, она не должна, ведь она же не Кейт! Вот только почему внезапно она ощутила такое сильное волнение, которое просто переполняло ее? Что это? Как назвать это чувство: сожаление, злость или горечь от того, что она когда-то полюбила этого человека? Майкл был ее первой большой любовью, и она подарила ему четырех детей, которых он так желал от нее иметь. Ничуть не сомневаясь в том, что их брак продлится всю жизнь, она погрязла в домашнем быте, не помышляя о том, что когда-нибудь Майклу все это надоест и он будет искать счастья на стороне. Разве думала она, что он осмелится ее бросить в один прекрасный день, словно забыв о том, что она остается с четверью детьми. Что, решив начать новую жизнь, он возьмет да и сотрет, словно ластиком, предыдущую. Оставит ее без денег, без поддержки, даже не даст адреса, по которому она смогла бы его разыскать! И когда она, Амели, была в страшном отчаянии, он, оказываясь, переживал новую любовную историю! Пока она, скрепя сердце, решала, воспользоваться ей или нет сомнительным шансом связать жизнь с Ангусом Джиллесли, он уже дарил младенцев, одного за другим, новой супруге. Он тоже не стал тянуть с поисками спутницы, а ведь еще посмел упрекнуть ее в этом. Каким же чудовищем нужно быть, чтобы проявить столько равнодушия к чужой судьбе? Ясно, что никогда никто из детей по-настоящему его не волновал: ни «принцесса» Кейт, ни сыновья. Что касается ее, Амели, с которой он обошелся с немыслимой жестокостью и пренебрежением, так вдобавок он еще и послал ей отвратительное по своему цинизму письмо. Зачем? Был ли он потрясен тем, что отныне она была под защитой другого мужчины и к тому же способной сделать это за такой короткий срок? Разумеется, он предпочел бы знать, что она осталась безутешной, обескровленной, в полной нищете. А ведь между тем она ничего плохого ему не сделала, это он предал ее. При всем том он не сообщил ей своего адреса, следовательно, продолжал оставаться недостижимым. Ведь даже если Амели и действительно ни в чем не нуждалась, то его дети были вправе предъявить счет своему отцу. Детям нужно было бы как-то объяснять то, что он их покинул, и с глазу на глаз с детьми он не смог бы употребить тот безобразно-ироничный тон, которым было пронизано его письмо к бывшей жене.

Должна ли она показать письмо Ангусу? Нет, конечно же нет. Фразы Майкла содержали обидные инсинуации в ее адрес, то есть намеки на ее заинтересованность в новом браке. Проверив в последний раз, нет ли где на листке или в конверте адреса или хотя бы номера телефона, Амели подошла и бросила все это в камин, где догорали остатки полена. Она подождала, пока письмо охватит огонь, оно загорится, а потом обратится в пепел. Сказать ли ей об этом Кейт, которая все время спрашивает у нее об отце? Она решила передать дочери только, что у отца все хорошо, но что он не пожелал сообщить, где находится. И это будет чистой правдой.

3

– Ты только взгляни на работу этих двух бордер-колли¹⁰, Кейт!

Скрестив руки на руле, Скотт с восхищением наблюдал за действиями собак. Радуюсь возможности насладиться зрелищем, он остановил машину, заметив овец, которые спускались с холма, ручейком стекаясь к дороге. Пастух оставался в нескольких шагах позади стада, он просто опирался на посох, стоял и ни о чем не заботился, пока овцы перестраивались в довольно ровную шеренгу.

– Сейчас «пограничники»¹¹ их переправят. Я обожаю на это смотреть, никогда не надоест...

Кейт бросила на него быстрый взгляд, удивляясь его энтузиазму, но почти сразу перенесла внимание на собак. Окруженные со всех сторон и подталкиваемые собаками, овцы, казалось, повиновались их приказному лаю. Немного поколебавшись, животные, тесно прижавшись, наконец осмелились ступить на асфальт, образуя огромное озеро колышущейся шерсти перед самым капотом джипа.

– Как глупо они выглядят, – проговорила Кейт, – по сравнению с «пограничниками»...

– Это фантастические собаки, они делают всю работу! При малейшей ошибке овец пастух просто засвистел бы, но бордер-колли в этом случае не издают никаких звуков. Они очень хорошо поняли, что моя машина остановилась, не представляя для овец опасности, и решили, что сейчас наиболее подходящий момент для переправы. Эти собаки прекрасно отслеживают все возможные ситуации на дороге.

– Долго их приходится натаскивать?

– Наверное. Вообще-то, этим занимаются пастухи. Когда какая-нибудь из их собак становится слишком старой, они на замену ей берут щенка, и тот всему учится сам, глядя на старших. Главная трудность заключается в крайней тупости овец.

Когда отара уже заканчивала переправу под оглушительное блеяние, проходивший за ними пастух высоко поднял посох в направлении Скотта.

– Он что, благодарит тебя?

– Скажем так: приветствует.

– Ты его знаешь?

– Мы все еще на нашей земле, Кейт.

По дороге до прядильной фабрики она обдумывала его ответ. Не желая выглядеть нескромной, Кейт почти никогда не задавала Скотту вопросов о размере владений Ангуса, но сама часто спрашивала себя, все ли овечьи отары региона ему принадлежат.

С приходом весны Кейт всегда чувствовала себя легкой и полной энергии, а особенно этим утром, когда Скотт согласился, чтобы она поехала вместе с ним на фабрику. Вторая четверть учебы в школе только что закончилась, у нее были каникулы, и под этим предлогом она попросила Скотта взять ее с собой, не очень в это веря. Но ее умоляющий взгляд так растрогал его, что он даже рассмеялся, распахнув перед ней дверцу джипа.

По обеим сторонам дороги простирался необычный, потрясающий по красоте пейзаж. Покрытые диким вереском и чертополохом холмы спускались к самому морю, перемежаясь с густыми лесополосами. Порой где-то в глубине долины мерцал отблеск озера, и Кейт даже увидела двух хищных птиц, лениво круживших на огромной высоте в чистом голубом небе. По мере того как они приближались к побережью, стали вырисовываться первые отвесные скалы.

– Твоя мама проделывала этот путь ежедневно? – удивленно спросила она.

¹⁰ Пастушья порода собак, выведенная на границе Шотландии и Англии.

¹¹ Название породы – border – происходит от англ. «граница».

– Увы, да.

Кейт закусила губу, раскаиваясь, что задала такой бестактный вопрос. Мойра рассказывала ей об аварии, в которой погибла Мэри, и о том ужасе, который все они испытали, найдя ее мертвой в машине на дне оврага. Скотт тогда был семилетним мальчуганом, но ей нетрудно было представить, какое огромное горе он испытал.

– Ты вспоминаешь ее?

– Годами я каждое утро смотрел на мамину фотографию, чтобы не забыть ее лицо. А потом меня отправили в пансион, и я оставил фото дома, спрятав его в глубине ящика секретера. Что подумали бы однокашники, узнав, что под подушкой я держу снимок матери? Теперь он, оправленный в рамку, стоит на моем столе в винокурне. Но я ни разу так и не побывал на кладбище, на ее могиле, потому что не хочу больше об этом думать. И потом... Насколько я помню, она не испытывала ко мне глубоких материнских чувств, не проявляла большой нежности, я помню лишь редкие, беглые ее поцелуи. И тогда, возможно из жалости, ее место посвоему заняла тетя Мойра, которая меня всегда любила и много ласкала.

Представив его несчастным в детстве, Кейт чуть не расплакалась, но все же сумела овладеть собой. Чуть что проливать слезы – в этом было что-то детское, а ей следовало вести себя по-взрослому, особенно если она находилась в компании Скотта.

– Под этим светло-голубым небом море кажется темно-синим, – заметил он. – Посмотри, видишь? А за следующим поворотом покажутся развалины замка, который некогда был великолепным...

Кейт догадалась, что он больше не хотел говорить с ней о матери. По словам Мойры, она была очень красивой женщиной и Скотт был на нее похож. Вместо того чтобы смотреть на памятник, на который он ей указал, она украдкой взглянула на своего спутника. До чего же она обожала этот прямой нос, волевой подбородок, удивительный цвет глаз. Когда Скотт улыбался, ее сердце каждый раз готово было выпорхнуть из груди, и то, что она сейчас сидела рядом с ним в его джипе, делало ее безумно счастливой.

– Ну вот мы и приехали, барышня...

Они только что проникли на территорию прядильной фабрики, въехав во двор, окруженный со всех сторон высокими зданиями из красного кирпича.

– Сейчас я попрошу одну из наших работниц побыть твоим гидом и все здесь тебе показать! – весело произнес он.

Разочарованная, что не он будет ее проводником, Кейт уже собиралась запротестовать, но тут увидела подходящую к ним красивую молодую женщину, которая приветливо им улыбалась. Высокая и стройная, она была в длинном плаще в стиле милитари с золотыми пуговицами и сапожках на высоких каблуках. Небрежно повязанный на шее платок оказался подлинным «Эрмесом»¹². С короткой стрижкой, белокурыми волосами жительницы Скандинавии, изящно подведенными большими глазами, она напоминала картинку из модного журнала.

– Мэри, это Кейт, дочь моей мачехи.

– Кейт, это моя подруга Мэри.

Ощущая себя нелепой девчонкой перед этой потрясающей женщиной, Кейт поняла, что великолепно начавшийся день окончательно испорчен. Да и чего она могла ожидать? Вот она перед ней, эта пресловутая Мэри, в которую влюблен Скотт и на ком он, несомненно, в скором времени женится.

– Приятно познакомиться, – пролепетала Кейт.

Любой ценой она должна была скрыть свое унижение, отчаяние от невозможности соперничать с этой взрослой красавицей. Да и о каком соперничестве могла идти речь? В ее пятна-

¹² Hermes («Эрмес») – французский бренд, основанный в 1837 году; специализируется на производстве одежды, изделий из кожи, аксессуаров, парфюмерии, а также предметов роскоши.

дцать-то лет в их глазах она всего лишь была подростком, исключенным из игр оболыщения и любви. Разве могла она сравниться с Мэри?

– Кейт открыла мне, какое это счастье – иметь младшую сестру, – любезно сказал Скотт, взяв девушку за плечи. – Она не только прекрасно учится в школе, она сама доброта. Кому мы ее доверим, чтобы она смогла познакомиться со всем самым интересным, что есть на нашей фабрике?

– Лучше гида, чем Фиона, трудно найти. Пойду-ка я ее позову.

Голос у Мэри был низкий, певучий, и при других обстоятельствах Кейт, вероятно, высоко оценила бы эту молодую женщину, но в данный момент она поняла, что уже успела ее возненавидеть. Да и слова «в школе» и «доброта» в устах Скотта низводили ее до положения маленькой девочки, что казалось ей отвратительным. Сколько же времени еще должно пройти, чтобы она стала, наконец, женщиной? И уж конечно, когда этот час настанет, Скотт успеет устроить личную жизнь и будет для нее потерян навсегда. Впрочем, он и так *не был создан для нее* с самого начала. Во-первых, их разделяла большая разница в возрасте, а во-вторых – родственные связи, даже если речь шла о втором браке их родителей. Все это Кейт знала, но, несмотря ни на что, у нее сохранялся слабый проблеск надежды, не подвластный никакой логике, а ее постоянные мечтания о нем привели к тому, что она окончательно утратила чувство реальности. Теперь эта реальность была у нее перед носом. Скотт смотрел на Мэри с выражением такой нежной любви, за которую Кейт без колебаний продала бы душу дьяволу. А Мэри в ответ на его взгляды обращала к нему свои – взгляды счастливой, полностью удовлетворенной женщины.

Удрученная, однако старавшаяся держаться достойно, Кейт дала увести себя той самой Фионе, которая с большим воодушевлением принялась ей что-то втолковывать, как только они оказались в первом цехе.

– Сейчас перед вами пройдет целая цепь преобразований, которые претерпевает овечья шерсть, вот увидите! Здесь мы делаем все прямо на месте. Сначала мы как следует промываем шерсть благодаря водопроводу, расположенному за нашими зданиями, затем следуют этапы чесания, прядения, ткачества, изготовления трикотажа и в итоге – пошива шерстяных изделий. Каждый год мы перерабатываем множество тонн шерсти, стараясь использовать старинные умения и традиции, но в сочетании с самыми современными машинами. Мать нашего Скотта, Мэри Джиллесли, первой начала преобразования, вкладывая средства в приобретение нового оборудования. Она сделала очень много для фабрики, и все, кто был с ней знаком в те времена, всегда говорят о ней с огромным уважением. К счастью, наш Скотт, кажется, тоже нашел свою Мэри! Эта молодая женщина рисует поистине фантастической красоты жилеты и шарфы, которые после их воплощения в шерсти пользуются необыкновенным спросом и всем очень нравятся. Нам был нужен именно такой вдохновенный стилист, потому что время твида ушло в прошлое. И мы не собираемся подражать ирландцам, вывязывая из синтетики свитера с традиционными ромбами и косичками, ведь правда же, не стоит это делать? На самом деле мода на все экологически чистое сыграла нам на руку: люди хотят вернуться к природным материалам, таким, например, как овечья шерсть.

Кейт следила за ее словами не слишком внимательно, не желая слышать, как Фиона восхваляет на все лады эту Мэри. Но выражение «наш Скотт» она отметила. Наверняка все сотрудники фабрики были по уши влюблены в своего начальника.

– Итак, юная леди, что бы вы еще хотели узнать? Наверняка ведь готовите какую-нибудь работу для школы?

Разъяренная, Кейт обернулась и впилась взглядом в Фиону.

– А сколько, по-вашему, мне лет?

– Ну... Не знаю, тринадцать, четырнадцать?

– Пятнадцать!

– Хорошо, но вы ведь еще учитесь в школе, не так ли?

Гнев Кейт внезапно утих. Что толку бороться с реальным положением дел? Кроме того, сегодня утром, поскольку она не ожидала, что Скотт примет ее в свою компанию, она была одета в ничем не примечательную юбку, красные носки толстой вязки и обута в мокасины на плоской подошве, а длинные волосы стянула в конский хвост.

– Ну, – буркнула она, – и к чему все эти машины? Я запомнила, что шерсть нужно сначала вымыть, но потом... – Кейт не хотелось быть невежливой с этой Фионой, скорее всего, славной женщиной, которая трудилась здесь с утра до вечера за скромную зарплату. Наверное, возможность поработать гидом была для нее своего рода отдыхом, приятным развлечением.

– Правильно! – с подъемом подхватила Фиона. – Сначала шерсть промывают, а уж потом начинается настоящая подготовка: промытое, но все еще грязное сырье прочесывают крупным гребнем, чтобы свалявшиеся колтуны разделились на отдельные волоски и чтобы убрать прилипший мусор. Процесс этот производится на специальном транспортере или ленточном конвейере, откуда сырье отводят в специальные камеры. В них шерсть опять прочесывают набело на специальных цилиндрах, что тоже происходит в несколько этапов. В итоге получается пряжа, так называемая ровница, готовая для дальнейшей обработки. Я сейчас покажу вам разные гребни чесальных машин, которые приводятся в действие мощными электромоторами.

И опять Кейт перестала ее слушать. Почему она должна интересоваться фабрикой, где властвует эта Мэри? Которой все восхищались как стилистом, к тому же взятым на работу самим Скоттом. В день, когда они всем объявят о своей свадьбе, работницы фабрики будут на седьмом небе от счастья и порадуются от всей души.

– О, я вижу, вам трудно за всем уследить, – пришла к выводу Фиона. – Пропустим скручивание и все, что за этим следует, и перейдем к формированию мотков. Или лучше прямо к окраске! А уж потом вы сможете полюбоваться работой машины, которая воспроизводит движение вязальщицы, сматывающей пряжу в клубок. Но, чтобы сократить нашу экскурсию, мы можем переместиться в другое здание: если пройти через весь двор, на другом конце территории фабрики находится цех, где создаются наши шарфы и свитера. Вам ведь любопытно узнать, как происходит соединение деталей каждой вещи, их вывязывание и все такое?

– Вы очень добры, спасибо. Да, мне было бы интереснее познакомиться с процессом изготовления одежды. Я не могла и представить, насколько сложна ваша профессия!

– Каждая из нас выполняет строго определенную операцию, мы не взаимозаменяемы, – уточнила Фиона.

– Понятно. Однако создается впечатление, что вы идеально разбираетесь во всем, что происходит на фабрике, наверное, у вас очень слаженная команда...

Кейт злилась на себя за то, что не проявила должного внимания к фабричным процессам, но сейчас ей хотелось только одного: поскорее закончить эту навязанную экскурсию. Ведь ей неминуемо придется восхищаться творениями Мэри, о которой у Скотта только и будет разговоров на обратном пути. Засунув руки в карманы, Кейт последовала за Фионой. Ох и паршиво же она себя чувствовала: абсолютно неуместной здесь, рассеянной и агрессивно настроенной. С какой радостью и интересом она слушала бы объяснения Скотта, если бы тот оказался ее гидом! Но у него не было ни времени прохлаждаться, ни желания ею заниматься – он-то не был на каникулах, как она! «И даже если бы он и был в отпуске, он нашел бы себе другое занятие, вместо того чтобы возиться с какой-то там девчонкой! Когда он сопровождал меня на бал, он вел себя со мной почти как отец, в то время как я, дурочка, поверила, что раз уж он нашел для этого время, то получит удовольствие от вечеринки и, возможно, посмотрит на меня другими глазами... Но нет, он лишь исполнил обязанность старшего брата, который проводил на бал девчонку, любимицу семьи. И он сказал, что я хорошо нарядилась, а не то, что я хорошенькая в этом костюме. Боже! Ну как мне перестать думать о нем каждую секунду? Я все продолжаю, я заиклилась на нем, да попросту я становлюсь одержимой и нелепой...»

Но голос рассудка никак не хотел ей повиноваться. Она даже пробовала несколько раз выходить на прогулки с братьями, чтобы увидеть других ребят и влюбиться в какого-нибудь симпатичного паренька, однако все они казались ей глупыми и неотесанными. Да и какая разница? Все равно никто из мальчишек и не думал оказывать ей знаки внимания, ведь она была не из тех девушек, за которыми они носятся стаями. А может, они просто боялись и не хотели рисковать, заведя ее в окружении троих взрослых братьев? Но где же встретить молодого человека ее возраста? Одноклассники редко куда-либо ее приглашали, может, оттого, что она была слишком уж сдержанной, а может, потому, что приходилась падчерицей Ангусу Джиллеспии? В этих местах Джиллеспии считались богачами, поскольку виски с их винокуренью пользовался большой популярностью, да и, кроме того, Ангуса считали увальнем, из медвежьей породы. И то, что он вступил во второй брак, женившись на француженке, прежде бывшей женой англичанина и родившей от него четверых детей, вовсе ничего не изменило. Дурные языки злословили, что он, мол, для увеличения своего клана просто лучшей жены и выбрать не мог! В этих комментариях, безусловно, сквозила зависть, ибо было чему завидовать.

Но когда Фиона в вязальном цехе объясняла ей все этапы изготовления вязаного свитера, к ним наконец присоединился Скотт. Каждую работницу он знал по имени и каждой старался сказать что-нибудь приятное.

– Простите, что прерываю вас, но мне необходимо сейчас же уехать, – извинился он. – Пойдем, Кейт, я прежде завезу тебя домой. Спасибо вам огромное, Фиона, не сомневаюсь, что вы были прекрасным экскурсоводом.

Он двинулся к выходу такими быстрыми шагами, что Кейт едва за ним поспевала.

– Ну что, тебе удалось немного развлечься? – сказал он, садясь в джип.

Резко рванув с места, он добавил:

– Жаль, что у меня срочное дело на винокурне, а не то я бы обязательно остался. Мэри мне показывала свои удивительные эскизы, это же просто фантастика! Оригинальные и вместе с тем комфортные для носки, на редкость удачные модели. Мне кажется, в следующем году мы произведем настоящий фурор... А в нем-то мы сейчас и нуждаемся больше всего, потому что до прошлого года фабрика была убыточным предприятием. Без прихода Мэри я бы не смог так погрузиться в дела фабрики. Сейчас я увлечен делом, почти как мой отец. Впрочем, я практически воспроизвожу сейчас его схему.

– Что ты хочешь сказать?

– Он был увлечен производством виски, а шерсть его интересовала мало, и он оставил это для мамы. Похоже, я сделаю то же самое, когда женюсь на Мэри.

Кейт показалось, что ей дали пощечину. Только сглотнув застрявший в горле ком, она смогла спросить:

– Вы собираетесь пожениться? Но...

– О, пока ничего не решено, я еще не сделал ей официального предложения. Сначала я должен представить ее моей семье. Как ты считаешь, по-моему, они все в нее сразу влюбятся, разве нет? А тебе она понравилась, что скажешь о ней?

– Она очень... красивая, – принужденно улыбнувшись, едва выговорила Кейт.

– Да, красивая, умная и безумно талантливая. Но мне пока трудно представить, что я должен буду связать с кем-то свою жизнь навсегда.

– Ты еще так молод...

– Это мой главный аргумент, который она тут же разобьет в пух и прах!

Он рассмеялся так искренне, словно речь шла о чем-то действительно очень веселом.

– Женщины все хотят замуж. Вот увидишь, Кейт, что и ты – позже, конечно – тоже станешь мечтать о свадьбе. В Мэри я влюблен по уши, признаюсь, однако перспектива создания семьи вызывает у меня тревожное чувство. Иногда ее напор меня смущает, я нахожу его преждевременным и предпочел бы немного подождать.

– Если ты не уверен в себе, ничто не обязывает тебя уступать.

Ярость, с которой были произнесены эти слова, казалось, изрядно удивила Скотта, бросившего на девушку заинтригованный взгляд.

– Мне не стоило говорить тебе о таких вещах, прости меня.

– Нет, что ты, наоборот...

Кейт почувствовала, как сильно бьется ее сердце. Впервые он разговаривал с ней откровенно, доверился ей. К сожалению, предмет разговора был для нее настоящей пыткой. Она не могла сама довериться ему, как подруге, а он явно не ждал никакого дельного совета от подростка. В любом случае Кейт была полностью выбита из колеи и очень обеспокоена.

– Видишь ли, в чем дело, – вновь заговорил Скотт, – папа был бы рад, что наш брак гарантирует им потомство Джиллесли, да и Мойра оценит тот факт, что Мэри – коренная шотландка. Стоит ей там появиться, и все найдут ее восхитительной и станут меня подталкивать к назначению дня свадьбы...

Похоже, он говорил сам с собой, а вовсе не с Кейт.

– С другой стороны, всегда отличаться – это доказательство скорее незрелости. И, чтобы уж ничего от тебя не скрывать, я охотно покинул бы дом, где благодаря твоим братьям порой создается невыносимая атмосфера. А вот тебя как раз мне будет страшно не хватать.

Последняя фраза, добавленная из чистой любезности, вызвала у Кейт потоки слез. Она сначала держалась, сколько могла, но под конец отчаяние все же одержало верх, и она расплакалась. Сотрясаясь от рыданий, которые она уже не могла контролировать, Кейт закрыла лицо руками, надеясь укрыться от взглядов Скотта.

– Кейт, ну что ты в самом деле! Подожди, я сейчас припаркуюсь.

Он остановился на обочине, отстегнул ремень безопасности и обнял ее.

– Милая, деточка моя, ну не плачь, что это с тобой? Я причинил тебе боль, упомянув братьев? Ах, какой же я глупец, они не такие уж и плохие ребята!

– Нет, они такие, такие! О да!

– Послушай, мне не удалось поладить хорошенько с твоей матерью, но это не важно. На свете никогда не бывает все идеально, и наша семья не исключение. Но, по крайней мере, ты хоть знаешь, что тебя я обожаю, моя прелестная младшая сестренка? Впрочем, не любить тебя невозможно, даже папа не устоял перед тобой!

Прижавшись к нему, она вдыхала его запах – сдержанные нотки лосьона после бритья и чудесный аромат его кожи.

– Как только я женюсь и поселюсь в другом месте, я буду часто приезжать домой, обещаю. И ты всегда и во всем можешь положиться на меня! Что бы там ни ждало нас в будущем, я всегда сделаю для тебя все, что в моих силах.

Что-то происходило сейчас с Кейт, чего она толком не понимала, но что потрясло все ее существо. Она испытывала непреодолимое желание прижиматься к Скотту еще сильнее, одновременно дать себе полностью расслабиться и не выпускать его из объятий. А когда он нежно погладил ее по волосам, девушка вздрогнула всем телом, едва сдерживая слабый стон. Этот порыв к нему, заставлявший ее дрожать, был желанием, неведомым чувством, которого ей прежде никогда еще не приходилось испытывать. Каким же оно было сладким, это чувство на грани реальности...

– Ладно, нам пора, – проговорил он, отстранившись от Кейт. – Поедем домой?

В тот момент, когда он выпустил ее из рук, она почувствовала, что падает в бездну. На несколько секунд Кейт от ужаса задержала дыхание, а потом шумно выдохнула воздух.

– Тебе уже лучше, да? – ободряющим тоном спросил Скотт.

– Спасибо, гораздо лучше, – пробормотала она.

Теперь она уже не была невинна, как раньше, она знала это. Отныне любой физический контакт со Скоттом будет для нее двусмысленным и лицемерным, потому что она будет жаж-

дать таких контактов и бояться. Но Скотт был таким искренним, таким по-братски ласковым, что он ничего не заметил в ее смятении, и Кейт молилась, чтобы так и оставалось всегда. Что мог он о ней подумать, если бы заметил? Был бы он расстроен, возмущен, почувствовал ли к ней отвращение? Пока он не высадил ее перед особняком, девушка всю дорогу молчала, а как только вышла из джипа, опрометью бросилась к крыльцу, даже не оглянувшись.

* * *

– Мне кажется, я всегда хорошо управляла домом, – возразила Мойра.

Она не сводила с Амели пылающего яростью взгляда. Но та лишь улыбнулась, изображая сомнение.

– Конечно, конечно... Но мне нужно знать точно, сколько мы тратим и каким образом смогли бы больше экономить.

– Прошу вас поверить, я не бросаю денег на ветер!

– Это очевидно. Тем не менее я хочу, чтобы меня держали в курсе.

Мойра имела обыкновение представлять отчет о своих затратах в конце месяца, и тогда Ангус переводил на эти нужды деньги. Требовать от нее подробностей обо всех затраченных на управление усадьбой суммах он не считал нужным, поскольку иначе это означало бы, что он относится к ней как к служащей, а не сестре хозяина дома. Тем не менее Амели была хозяйкой дома, ибо она была женой, и Мойра, хотя и глубоко оскорбленная, не посмела ей отказать.

– Хорошо, впредь я буду хранить все счета, вплоть до последнего магазинного чека, – покорила она с горечью.

– Превосходно. Мы все будем контролировать вместе. Понимаете, Ангус считает, что на питание уходит слишком много денег и...

– Нас здесь много, – напомнила ей Мойра тоном, в котором прозвучал вызов, – а у молодых всегда хороший аппетит!

Амели поджала губы, убрав улыбку с лица. Все, что содержало критику в адрес ее сыновей, тотчас заставляло женщину вставать на дыбы.

– В их возрасте это естественно, и я не сказала, что мы должны себя чего-либо лишать. Но, возможно, есть смысл пересмотреть кое-что в меню?

– Что ж, я могу каждый вечер варить макароны или картошку.

– Вы все доводите до абсурда, – усмехнулась Амели, – это глупо... Ангус решил с помощью меня и моих детей расширить свой клан, и ему не понравилось бы, что его в этом упрекают. А так как и меня в том числе беспокоят чрезмерные расходы, он посоветовал мне вместе с вами обдумать, каким образом мы могли бы стать менее расточительными.

– Это будет не так просто, – возразила Мойра. – Ведь вы наверняка заметили, что Ангус любит вкусную еду и дорогие вина. Я всегда следила за тем, чтобы на его столе всего было в достатке и все было первоклассного качества, но я не стану держаться за ручки кастрюль, не думайте, я охотно уступлю вам свои полномочия!

– Боже мой, нет, именно на кухне вы приносите основную пользу, так что уж пусть она будет в вашем ведении.

Вполне удовлетворенная своей «милостью», Амели вдруг заметила, как побледнела Мойра. Напоминая ей, что она здесь находится в роли приживалки, а в обмен на это исполняет обязанности кухарки, она нанесла ей страшное оскорбление. Амели плохо выполнила миссию, которую сама же возложила на себя, словно забыв о том, как высоко ценит Ангус то, что делает Мойра, и очень любит ее к тому же. Но когда его стали тревожить непомерные суммы, уходящие на ведение хозяйства, Амели решила воспользоваться этим предлогом и пообещала все уладить вместе с Мойрой. На самом же деле ей хотелось отобрать у Мойры некоторые ее привилегии. Например, самой вести счета, это было бы ей на руку, так как к жене он не стал

бы придирается по мелочам. Впрочем, вопреки тому, чего она больше всего опасалась, учитывая печальную репутацию шотландцев как скупцов, Ангус отнюдь не отличался жадностью. Разумеется, он в чем-то проявлял бережливость, не любил бессмысленных трат и не бросал деньги на ветер, а старался тратить по существу, однако, когда, например, ему хотелось купить себе дорогое ружье, цена не имела для него значения. Или когда Амели хотелось купить себе роскошный наряд или драгоценность, он никогда не заставлял себя просить, а на вторую годовщину их свадьбы подарил ей великолепный перстень.

– К примеру, – подхватила Амели, – все эти цветники и клумбы, на которых никогда ничего не растет, чем занимается Дэвид, вот затраты, которых вполне можно избежать.

– Уладьте это с ним напрямую, парком я не занимаюсь.

– Тем не менее я вижу, что за розами ухаживаете вы, а не он.

– Мне это ничего не стоит и доставляет удовольствие. Нельзя же забросить парк без садовника и превратить его в пустырь! Вы привыкли жить в парижской квартире, не имеющей ничего общего с таким поместьем, как Джиллеспы, так что вам трудно представить расходы, которые необходимы для его содержания.

Если Мойра думала, что прищемила этим ей нос, то ошибалась.

– О, для совершенства нет предела, всегда можно сделать что-то лучше, чем прежде, – парировала Амели.

Повернувшись на каблуках, она вышла из кухни, уверенная, что ей удалось порядком расстроить Мойру. А о кузене Дэвиде она еще подумает. Этот человек удивительным образом обладал способностью ни во что не вмешиваться и никому не противоречить, но ведь он полностью сидел на шее Ангуса, вплоть до того, что тот давал ему деньги на личные расходы! Так ли уж необходим он здесь в его неопределенном статусе управляющего? Обычный управляющий, например, не обошелся ли бы он им гораздо дешевле?

На самом деле Амели вовсе не волновала никакая экономия. Она прекрасно знала, что Ангус владеет большим состоянием, хотя он никогда ей не показывал свои банковские счета. На эту тему говорить он не любил и выдавал ей только очень приблизительную информацию. И это был последний бастион, который Амели собиралась взять. Пару раз она заговаривала с ним об открытии общего счета, но тот всегда делал вид, что ничего не слышит. Чтобы не возникало лишних вопросов, он выделял ей ежемесячную сумму, которая с лихвой могла покрыть все ее расходы на себя и детей, однако она считала себя незаслуженно обделенной. Когда Ангус закрывался вместе с сыном, чтобы обсудить дела, ее так и распирало от злости. Скотт вообще был главным предметом ее ненависти, особенно когда муж называл его своим единственным сыном. Если бы у ее сыновей было побольше ума, они понимали бы, что им стоит вести себя с отчимом получше. Несколько дней назад у нее состоялся долгий разговор с Джоном, и она надеялась, что убедила его. Заручиться благосклонностью Ангуса было бы очень выгодно для него, он бы извлек из этого столько пользы! Почему бы ему не сделать вид, что он интересуется винокурными заводами и производством виски? Без диплома ему нигде не будет дороги, говорила она сыну тысячи раз. А вот внедриться на одну из винокурен Ангуса, да еще и войдя туда через широкие ворота, было бы для него несомненной удачей! Но только, если бы Джон даже постарался сделать это изо всех сил, успеха еще никто не гарантировал. Не станет ли Скотт главным препятствием? Он не ладил с сыновьями Амели и вряд ли позволит им вступить на свою территорию. Как этому противодействовать? А еще лучше, как дискредитировать его в глазах Ангуса? До сих пор она лишь задумывалась об этом, но дальше медлить было нельзя, нужно было переходить к действию. Будущее детей было для нее приоритетом, а там уж каким способом она это сделает, чтобы их получше пристроить... Решившись на такое, она понимала, что без ее помощи сыновья ничего не смогут добиться. И письмо Майкла зловещим образомшний раз напомнило ей о том, что она лишила их родной почвы и с этого момента была полностью ответственной за их судьбу. Если, конечно, она не собиралась допустить, чтобы они

загубили свои жизни или уехали куда-нибудь далеко от нее... Перспектива остаться без них, состариться в компании Ангуса и Мойры в этом открытом всем ветрам огромном поместье приводила ее в ужас. С Кейт все было гораздо проще, она становилась прелестной девушкой, которой через несколько лет нетрудно будет взять себе в мужа кого-нибудь из местных. Эта проблема была на втором плане. Как обычно: мальчики – прежде всего.

* * *

Скотт вернулся к своему столу с двумя кружками пива, за которыми только что ходил к стойке. Он стукнул своей кружкой о кружку Грэма и попросил его еще разок рассказать, что ему удалось для него подыскать.

– Дело в шляпе, старина, повторяю тебе! Это лучшее, что находится в моих папках, и я приберег квартирку специально для тебя. Ты поселишься неподалеку от Сент-Винсент-стрит, в самом центре, а маленькие улочки, ведущие прямоком к Блитсвуд-скверу, просто очаровательны! У тебя даже не создастся впечатления, что ты куда-то переехал: в этом месте архитектура скорее в викторианском стиле или в стиле неоклассицизма, наподобие твоего особняка в Джиллесли. Можешь арендовать квартиру на год, а потом, разумеется, аренду возобновишь, настолько квартира великолепно обставлена. Побывай там и увидишь, она тебе сразу понравится, ты немедленно подпишешь договор.

– Арендной платы пока нет, – заметил Скотт, который старался потянуть время, чтобы еще немного подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.